

АЛИНДА ИВЛЕВА

Мама Таня

ЧАСТЬ 1



Алинда Ивлева

Мама Таня 1:0

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66685350

SelfPub; 2023

Аннотация

Полюбить чужого ребенка? Мама Таня, выросшая в детдоме, оставшаяся без родителей в раннем возрасте по трагической случайности, знает ответ на этот вопрос журналиста. Повесть сплетена из пазлов реальных судеб в цельную картину. Кто она, мама Таня? Героиня или обманщица? Перед вами первая часть истории. Вторая часть в работе.

Алинда Ивлева

Мама Таня 1:0

глава 1

– Мама Таня, – в комнату влетел долговязый парнишка лет шестнадцати с седой шевелюрой. – Ой, извините, – он настороженно застыл на месте и попятился к двери.

– Татьяна Владимировна, познакомьте нас, – девушка в брючном синем костюме что-то записала в блокнот и нажала кнопку на портативном диктофоне.

– Это Леший, наш старшенький, будущая звезда волейбола, так – то его Лёшка зовут, родной, – мама Таня обратилась к сыну, – пойди к остальным пока, – ласково взглянула на подростка и продолжила, – но он настоял называть его Леший. В тринадцать лет заблудился с дедом в тайге. Мы до сих пор не знаем подробностей, как щуплый парнишка на себе тащил грузного мужчину несколько дней. Промозглая осень, болотистая местность, без воды, еды. Подрал медведь деда, снял половину скальпа. Мальчишку нашли спасатели спустя две недели. Тот был абсолютно седой и тощий, словно из Освенцима. Грязный, лохматый, как Маугли, нечленораздельно мычал, вот «МЧС- овцы» и назвали его Леший, – У мамы Тани глаза наполнились слезами, но она быстро взяла себя в руки. – Так, о чем это мы? – поправила вьющиеся

волосы, выбившиеся из прически. Сама ещё совсем девчонка, подумала журналист, а взгляд колкий, изучающий, уверенный. Так смотрят на тебя военно-полевые врачи, которые были по ту сторону... Сканируют.

– Татьяна Владимировна, у вас ведь десять детей, не тяжело? У некоторых непростые судьбы, а родные дети есть?

– Что значит родные? – Татьяна резко встала из-за стола, оправив юбку, подбородок напрягся, губы сжались, янтарные глаза блеснули огнем. – Разговор окончен.

Журналистка опешила, привстала, попытавшись исправить ситуацию, бубнила невпопад что-то о том, как она не права. Татьяна повернулась спиной, напряжённые плечи дрожали, ей не хотелось, чтоб посторонний человек заметил её слабость духа. Страх иногда брал свое, и снова накатывали воспоминания, каждый раз, когда задавали ей подобный вопрос, склизкий прогорклый предательский страх возвращался.

– Татьяна Владимировна! Татьяна, можно так к вам обращаться? Вы простите меня за бестактность, но ведь так важно донести до людей вашу историю, разве нет? Дать надежду тем детям, которые отчаялись, помогите им! Не мне! Им! – журналист подошла вплотную к женщине у окна, развернула её осторожно к себе и пристально посмотрела в янтарные глаза. Оказалось, что мама Таня на голову ниже, Дюймовочка. Для Ирины, корреспондента местной газеты, ведущей женскую колонку «Женские судьбы», Татьяна была нереаль-

ным, сказочным персонажем. И если копнуть поглубже, чаще всего, сказка становится былью. Светлый образ потухнет, а кажущееся благородство рассыплется на мириады частиц обычных человеческих страстей.

– Задавайте свои вопросы, – Дюймовочка отшвырнула взглядом навязчивую газетчицу на шаг назад. Та, мгновенно сориентировавшись, достала распечатанную фотографию и показала Татьяне:

– Расскажите про ваших детей, они все такие разные, читателям будет очень интересна ваша история.

Миниатюрная Татьяна тонкими пальцами, словно созданными извлекать нежную мелодию с помощью клавиш форте, взяла снимок. Ирине на мгновение показалось, что она услышала летящую и опьяняющую неизвестностью увертюру Моцарта «40-я симфония». Голос Татьяны вернул журналистку к реальности. На губах девушки играла улыбка, янтарь глаз наполнился нежностью.

– Это наша Мышка, – мама Таня показала на пухлую мулаточку, лет шести, по правую руку от себя на фото.

– Мышка? – Ирина быстро сделала запись в блокноте.

– Да, наша Алёнушка считает, что понимает язык мышей, – засмеялась многодетная Дюймовочка и провела пальчиком по изображению.

Её держали почти год в платяном шкафу, чтоб не мешала жизнь матери устраивать. Изредка шкаф открывали, бросали объедки или воду гости, они же в пьяном угаре прибили

родительницу. Труп завонял, так Мышку и нашли. У неё в шкафу поселилась семья мышей, которые подьедали крошки от угощений. Благодаря серым «норушкам» Алёна выжила, вела с ними беседы, а те охотно делились своими историями. По щеке Ирины побежала непрошенная слеза:

– Алёна и сейчас общается на мышинном языке?

– Да, конечно, у неё три хомяка, две крысы и одна белая Мышка, утверждали знатоки, что вместе этим грызунам не ужиться. Алёнка любого уговорит жить дружно. У неё, кстати, способность к языкам. Учит уже немецкий, английский и французский как родные.

– Танечка, а этих малышей как зовут? – Ирина подбирала слова, но мама Таня сразу догадалась о ком речь. На фотографии, на коленях мужа Татьяны, рослого белокурого здоровяка с добродушным лицом, напомнимшем Есенина, который, даже сидя, был выше ростом, чем жена. Большими ладонями он крепко сжимал смуглых малышей. Мальчика и девочку, с огромными глазищами, обрамленными пушистыми ресницами как у пупсов. Даже на снимке было заметно сходство. «Близнецы», – догадалась журналистка.

– Это наши Юся и Зуля, – мама Таня трепетно поцеловала фотографию. Когда они оказались у нас, им было три годика. Заснут на кровати, придёшь проверить, спят ли, а малыши жмутся друг к другу как крольчата под кроватью. Звука от них не добьёшься. Трудно было очень, дикие были, на ласку агрессией реагировали. Нет, не плакали, а как

волчата смотрят и, казалось, правда, казалось, что вот-вот кинутся в горло и перегрызут. Муж первый нашёл контакт с Юсей, возьмёт удочки, пристегнет его к коляске, и на речку. Посадит рядом, сидят молча. До первой пойманной рыбы. А потом и Зуля с ними напросилась. Так и оттаяли, рыбок любят. Аквариум огромный у нас, возле него часами могут сидеть. С тетрадами. Срисовывают, в основном золотых риукинов, мы сказали, что они желания исполняют. В новостях с мужем увидели, детишек из Сирии вывозили с помощью властей российские родственники тех, кто ушёл воевать за зелёный ваххабитский флаг. Детей под обстрелами делали, там же и рожали, в развалинах. Эти ещё крохи совсем, поэтому обуза – автомат в руки не дашь, и перемещаться быстро не позволяют. Дети в Сирии товар. Провели свое расследование. Девушку из Осетии, Зулейху, красивая была, говорят, завербовала под видом жениха турецкого террористка, потому что Зулейха оканчивала четвертый курс Медицинского Института, в совершенстве знала арабский и английский. Загранпаспорт родители не позволяли делать. Так её выкрали вербовщики из дома, часов двадцать везли на перекладных до Турции. Река разделяет Турцию с Сирией, по ней девушку с другими завербованными доставляли к морю, которое омывает Латакию. Знаю, что насиловали её, избивали, но она отказывалась сотрудничать. Рассказывают, что подорвалась на mine. Сама. По возвращении малышей родня отказалась забирать «игиловское отребье», их как псов без-

домных в передержку отдали. Малышку мы назвали в честь мамы, а сыночка в честь пророка Юсуфа. Он как видел его на картинке в детском Коране, который был при нем, всегда улыбался. Два года уже прошло, а они все шарахаются, бедняжки, при любом хлопке или раскате грома.

В дверь осторожно постучали. Мелкой дробью. Так, словно начинающийся дождь забарабанил по оконному стеклу. Татьяна улыбнулась, и крошечный шрам над губой растянулся неровной бороздой, напомнив Ирине о несовершенстве этого мира. «И пора бы задать пару колких вопросов. Слишком слащавые истории в арсенале этой барышни. Мама Таня! Не верю». От хоровода мыслей прервала девчушка лет одиннадцати, в дверную щель просунулась головка, больше походившая на кремовое пирожное, выющиеся персиковые волосы были заколоты множеством заколок с разноцветными бантиками.

– Мамочка, мы когда поедem в бассейн? – извиняющимся тоном спросила малышка, потупив взор. – Тренер будет недовольна.

– Это наша пловчиха, говорит, когда вырастет, будет врачом – спасателем, – Татьяна подозвала дочку, та на цыпочках просеменила к матери и прильнула к её груди. – Будешь врачом?

– Врачом – спасателем!

– Разве бывают такие профессии? – уточнила журналист.

– Ирина, Тата имеет в виду, что она мечтает работать в

МЧС врачом, да, малыш? – мама Таня нежно провела изящными пальцами по щеке дочери и чмокнула её в нос. – Беги, детка, мы с тётёй договорим, и сразу едем, у нас два часа в запасе.

И только со спины репортёр заметила широкие плечи и мощный треугольный торс, совсем не вяжущийся с ангельским личиком в веснушках. Дверь тихо закрылась. Татьяна решила, не дожидаясь расспросов интервьюера, поделиться историей Наташи:

– Можете себе представить, этот ребёнок, крохотуля – герой. В аквапарке, где она была со своими родителями, рухнули колонны и скрошилась в считанные секунды бетонная стена, смяв десятки людей под обломками, не оставив шанса выжить. Наташа уже тогда занималась плаванием, долго могла задерживать дыхание. Она оказалась запертая в вакууме, который образовался, словно бетонная кишка, где скопилось немного воздуха. В воде случайно нащупала среди кусков стены ребёнка, который тонул. Не знаю, в чем была сложность, почему шесть часов не могли поднять эти чёртовы балки и освободить детей. У Таточки была сломана ручка, мы потом узнали, и два ребра, но она все эти жуткие часы держала захлебывающегося, синеющего ребёнка на плаву, зажатая со всех сторон каменной смертью, – слезы лились ручьём по щекам матери.

– Отец её там погиб? – Ирина была в шоке от истории Наташи.

– Да, мать выжила, но умом тронулась, то ли в психиатрической больнице умерла, то ли дома, история умалчивается. Да и не было времени выяснять, почему эта мужественная маленькая девочка оказалась в детдоме. Мы, не раздумывая, с мужем рванули в тот город и, почти без проволочек, забрали ребенка домой. Таточка просила забрать спасённого ребёнка. Но у девочки есть родственники. Я не жалею ни об одной бессонной ночи и мокрых простынках, которые мы по очереди с мужем меняли ночами. Энурез, заикание. Она стойчески, главное – молча, все преодолела. Да, долго молчала, почти год, а когда произнесла первое слово «мама» – стала заикаться. Второй раз совершила подвиг, справилась с болячками. Сейчас все хорошо. Но переубедить её мы не в силах, хочет быть врачом – спасателем и все тут. И при этом совершенно не боится бассейнов и глубины. Детская психика такая гибкая!

– Да нет, просто в любви все беды забываются, почти все! – Ирина обняла крепко Дюймовочку.

глава 2

– Мамочка, все, ой, простите, – Тата в который раз уже просунула головку, похожую на тарталетку с пудинговым кремом, украшенную сочной клубникой. «Какая же милая девочка», – подумала Ирина.

– Да, детка, выезжаем, – Татьяна бросила взгляд на ци-

ферблат настенных часов. – Извините, Ирочка, пора! Перенесём встречу на другой день? – мама Таня сказала тоном, не позволяющим возражений. Журналистка покорилась, убрала диктофон, планшет в сумку и направилась к двери. Закрывающая дверь, пробубнила: «Хорошо, что у неё их не двадцать пять, иначе бы тут прописалась, – следом шла мама-Дюймовочка. Ирина и не заметила. «Какая неловкая ситуация», – рассердилась на себя журналистка. Из-за спины прилетел ответ:

– Если вам прописка нужна или ещё какая помощь, обращайтесь!

«Простота хуже воровства, наивная или прикидывается?». Закрался снова въедливый червь сомнения в мысли Ирины.

Из посёлка городского типа, где проживала в большом доме на участке двадцать шесть соток семья мамы Тани, до города, если без пробок – тридцать минут езды. Но Таня с дочкой задержались, и встряли в пробку на въезде в город. Вереница впереди уставших, пышущих дымом и плещущих водой из дворников машин, напомнили Тате огромного приболевшего дракона. Мама Таня отвлеклась на чтение новостных статей в телефоне. Даже не среагировала на восторженные крики дочери мгновенно.

– Жоржик, мама, Жоржик, смотри, вон он, – девочка высунулась в окно, размахивая ручками, и окрикая по имени

щуплого подростка в чёрной растянутой кенгурухе с капюшоном. В этот момент машины тронулись.

– Мамочка, там Жоржик! – Тата надула губки. – Ты что его больше не любишь?

– Да какой ещё Жоржик? Куда смотреть? – мама посмотрела в зеркало заднего вида на дочь. – Опять моя выдумщица фантазирует. Кого ты увидела, спасатель мой? – девушка усталым взглядом обвела унылые постройки древних гаражей, одинокие придорожные кафешки, серые склады. Группа подростков спорила, размахивая руками, яростно набрасываясь по очереди на парня в чёрном.

Движение скоростное набирало темп. Пришлось добавить газу.

– Мамочка, ты больше не любишь Жоржика? – девочка плакала, утирая рукавом слезинки.

– Да кто такой этот Жоржик, детка? – мама Таня с трудом сдерживала раздражение.

– Наш Жоржик, – канючила дочь. – Ну, Даня наш, он говорит, что его теперь зовут так его новые друзья. Это какая – то его «погоняла».

И тут до матери дошло. Жив. Слава Богу. Два месяца его никто не видел. Столько слез, поисков, опека, комиссии.

– А ты откуда знаешь, что у него новое имя? – Татьяна пыталась перестроиться тщетно из крайнего правого в левостороннее движение, для разворота. В бассейн все равно опоздали. Девушка была в отчаянии, вновь и вновь набирала

мужа, но он был недоступен. А если это и правда Данька?

Пока синяя лада маневрировала, выныривала и снова медленно плыла, подхваченная стихийным, словно селевым, потоком, группа спорящих парней с противоположной стороны исчезла. Мама Таня горько сожалела, что ничего не может изменить, исправить в судьбе Дани. Малыш родился в тюрьме. Мама его наркоманка со стажем, когда продала все в квартире сожителя, в том числе и старшую сестру Дани, её поймали. Статья 228 и торговля людьми. Выяснилось, что двоих детей до этого она выкрала из колясок у ловящих ворон мамаш, и тоже продала. Сквозь чёрную решётку Дания увидел солнечный свет, колючая проволока по периметру олицетворяла его дом. В детском доме атмосфера была не лучше. Данька проявлял себя как агрессивный мальчик, склонный к насилию, воровству, обману. Так было написано в его характеристике. А его маниакальное желание найти мать и доказать всему миру, что она не такая, как о ней говорят. Она хорошая, просто запуталась, обманули, предали, отобрали у неё сыночка.

И сбежал снова из-за ссоры с отцом, которого называл принципиально по имени. После того, как на день рождения Дани подарили сотовый, мужа Татьяны парнишка стал величать «Пахан». Сергея забавляло даже это негласное сопротивление правилам. Точнее, для Даньки вообще не было никаких правил, кроме его собственных. Татьяна и любила мужа за его бесконечное терпение, умение слышать, даже

когда она молчит, быть рядом – когда она, уставшая, замотанная, гонит его. Поэтому Сергей айтишник, только такой человек, со стальными нервами, железобетонной выдержкой и гранитной пятой точкой, может высидеть часами у компьютера. Вглядываться, щурясь, в светящийся и экран и крохотные циферки, и буковки, которые бегущей строкой складывались в вязь. Одному ему понятную. Девушка и представить себе не могла ситуацию, в которой супруг поднимет голос. Не то, чтобы орать. Но Даня старательно выводил из себя «Пахана». Тот скандал в ночи отца и приемного сына она и хотела бы забыть. Те Данькины, колкие фразы, отзвывались в сердце фантомной болью снова и снова. Ей было стыдно, когда на утро не обнаружила сына дома, стыдно за свои гнусные мысли: «Хоть бы он и не возвращался». Стыдно за вздох облегчения – минутную слабость, мерзко на душе за липкий, подкрадывающийся страх, что не сдюжит, не выдержит, не полюбит и не примет этого недолюбленного, несчастного Даню.

В тот вечер подросток забыл в ванной комнате новую игрушку, гаджет мечты, с большим экраном и достаточной памятью. Забыл, потому что Ирина, рыжеволосая вертихвостка из параллельного, с розовыми тенями вокруг глаз, щедро обведенных смоляной подводкой и черной помадой на губах, написала смс: «Жду внизу. Есть разговор». До этого сообщения она даже не смотрела в Данькину сторону, как он ни

старался завоевать ее расположение. Аниме полюбил, делал вид, что интересовался косплеями. Ролики и мемы скачал у ее знакомых, которые любит Ира, Ирэн, как называла себя девица. Родители не одобряли его выбор, девочка прогуливала школу, водилась со странной компанией старших ребят, те тусили на заброшенном заводе, а порой, на кладбище. Одному Богу известно, чем там можно заниматься в ночи и где в это время родители.

Сергей хотел было догнать сына, когда тот с пылающими от смущения щеками и глазами, полными нездорового блеска, рванул из дома. Надевая куртку на ходу. Ночь почти. Но куда уж там. Байк унесся по щебенке, оставив облачко синеватого дыма. Ветер – пастух торопливо сгонял отбившиеся от стада кучевые облака. Хлынул серый дождь, нагнав тревогу. Сергей вернулся в дом. Поежился. Зашел в ванную и открыл кран с горячей водой. «Пилик-пилик». Загорелся цветной экран. Молодой человек протянул руку, взял Самсунг, и будто само провидение сыграло дурную шутку, ролик, который просматривал Даня, открылся. Из видео понеслись стоны, скрежет, тупые удары и смех. Вздуродраженный отец нажал на паузу. Прошерстил всю переписку парня. Вскрыл все коды и запароленные файлы. Именно в тот вечер, он буквально почувствовал, где находится сердце. Оно рыдало.

Мужчина вцепился в края раковины так, что фаянс за-
трещал. Только тогда Сергей попытался взять себя в руки,
резко закрыл задвижку в ванную комнату. Сергей не знал,
как поступить правильно и мнение жены по этому поводу он
знал: спасаем ребёнка. "Всегда занимай его сторону, всегда,
только так, и, если б твоя мама поступила бы иначе в своё
время, страшно представить, где бы я сейчас была". На се-
кунду ему показалось, что Таня рядом и шепчет эту фразу на
ухо нон-стопом. Всплыла в памяти сцена: его первое свидан-
ие на сельской дискотеке. Танцпол в центре пуст. По стенке
жмутся кучками парни и стайками девчонки, которых все-
гда больше, щебечут, хихикают и обсуждают вновь вошед-
ших. Его, сухопарого верзилу Серёгу, и чужачку, кнопку со
стрижкой мальтийской болонки. Фиалковые лучи цветому-
зыки пронзили зал и подсветили настороженные лица пары.
Меладзе запел про то, как красиво вошла Она в его греш-
ную жизнь. Но парень мялся и смущался от излишнего вни-
мания пританцовывающих стен зала. Моргнуть не успел, как
его девушка вылетела, словно жар-птица и начала выделять
причудливые движения, привлекая внимание публики. Резкие
движения рук и стремительные прыжки, падения и взлёты,
кружась в неистовом ритуальном танце, его Танька
будто бы не замечала в этот момент никого на свете. Её пше-
ничная шевелюра сверкала лиловыми оттенками, она каза-
лась ему в тот момент сказочной феей. Но он так и не решал-

ся поддержать подругу, пока её не обступила группа парней. Один вышел развязной походочкой вперёд, и подошёл практически вплотную к Татьяне. В очередном па от неожиданности она уткнулась ему в грудь. Споткнулась. И упала. Зал заржал. Свет стал ярче. Сергей опомнился и рванул к подруге, ругая себя за стеснительность. Поднял Татьяну за руку и потянул на себя. И тут началось... Он органически не переносил подобные ситуации. Ненавидел насилие, злобу, лающих беспричинно псов, базарных матерящихся теток, агрессию и скандалы на пустом месте. Он жил, веря искренне в девиз восточных единоборств: "Если ты не знаешь, как победить себя, ты никогда не победишь другого". Бритоголовый в кожанке прогнусавил:

– Мелкая, станцую. Морфий, сбаци медляк!

Неожиданно для зевак предвидящееся зрелище было прервано пронзительным свистом. Зрители замерли, потому что никто не понял, кто или что издавал эти художественные трели. Морфий вырубил модный трек, колонки чихнули, и воцарилась гнетущая тишина. Лысый вжал голову в коричневую затертую косуху и ещё больше сгорбился. Он напоминал Шерхана, притаившегося в зарослях, и высматривающего из кустов ватагу шакалов для подмоги. Глаза его елозили из стороны в сторону. Трое из ларца, в таких же, выдавших виды куртёнках и одинаковые с лица, забыли уточнить, что надо хозяину дискотеки. Растворились бесследно в толпе. И тут кнопка залиvisto рассмеялась:

– Не ссы лягуха или иди за своими, на Север. Хотя... – девчонка задорно хихикнула и подмигнула Сергею, – я станцию с тобой, Джайв, слабо? Бритоголовый авторитет задумался. "Вроде отказом не унизили, да и братва что скажет? Драйв так драйв". #

Девушка качнула бедром. Ловко скинула джинсовую куртку, оставшись в коротенькой розовой майке в обтяжку. Варёная джинсовка приземлилась на голову высоченного Серёги. Он неуклюже стянул её и мялся с ноги на ногу, чертыхаясь из-за неуместного внимания публики и дурацкой ситуации в целом. Женщина сверху. #

– Морфий, сбациай – ка нам чего-нибудь из латино! – передразнила девчонка и в зал улетела просьба смелой Дюймовочки со стрижкой болонки. Зрители расступились, клуб гудел и улюлюкал.

– Самба белого мотылька пойдёт? Латинская же? – прокартавил ди-джей. Образовался круг, подсвеченный столбом мерцающих зелёных софитов в полутьме. Сергей едва отскочил в сторону. Танцорша схватила лысого за руку и крутанула его так, что тот опомниться не успел, каракатицей на льду попытался крутануться. Еле устояв на ногах, изобразил подобие кача из хип-хопа. Зал ржал, а мелкая, сверкая голыми коленками сквозь рваные джинсы, выделявала быстрые и ладные движения ногами. То одной рукой увлекая партнёра и отталкивая его, то другой, обнимая и прокручивая как юлу. Парень был ловок как краб и готов уже был провалиться-

ся под паркет клуба.

Меладзе закончил причитать о белых мотыльках, которым долго ещё летать у земли, мечтая о свете любви. Татьяна махнула рукой в замысловатом прыжке несостоявшемуся кавалеру и исчезла в темноте. Клуб свистел и аплодировал, лысый сплюнул и огляделся в поиске шакалов. Те сразу же обступили гаваря, тот процедил сквозь зубы:

– Проследите за этими тварями. Этот ботан здесь недавно живёт со своей мамашей. Че по чем? Жду у Кирпички. #

Сергей спохватился и побежал вслед за подругой. Злился и негодовал. "Не бросить же её. Но поговорить придётся. Не дала даже ему слово вставить, выглядел перед всеми словно не мужик". Девушка сидела на деревянной облупившейся лавке возле магазина, тиская лишайную рыжую кошку Флюшку. «Какая она странная», – подумал Сергей, но пробубнил негромко:

– Брось её, она же заразная, и ещё кашляет, как чахоточная. Таня рассмеялась во весь голос, показалось на секунду, что от её звонкого голоска даже звезды на ежевичном небе пустились в пляс. Сергей протянул куртку.

– Зараза к заразе не пристаёт. Я её заберу с собой. Флюшка, пойдёшь со мной? – рыжая плешивая кошка мурлыкнула и обтёрлась о руку новой хозяйки. – Она такая же бродяга, как и я.

– В смысле? – напрягся жених.

– В коромысле...

– Ты же на Первомайской живёшь? Разве нет? Мама говорила, что где-то у Кирпички... – парень провел широкой ладонью по лицу, будто смахнул слой пыли. – Знаешь, я все эти непонятки не люблю, лучше все на этом берегу выяснить, у нас в семье так принято. Ты мне нравишься, очень, – он засмутился, переступил с ноги на ногу, и даже в свете одноглазого одинокого фонаря у продмага, еле мигающего желтым, было видно, как Серёжка покраснел.

– Врать и не договаривать – разные вещи, – малая хмыкнула и напыжилась, сильнее прижимая к груди котейку.

– Давай сначала? Я Сергей, живу на Летней, 41, учусь в Радиотехническом. Мечтаю создать свою соц. сеть, купить дом и лошадь. Ещё катер с мощным мотором и... – молодой человек замялся.

– И-и-и...?

– Ну, семью там, детей, само собой, – пробубнил себе под нос молодой человек так, будто последние слова из него достали плоскогубцами.

– Я, Танча, можно Танк, короче, живу на Первомайке, одна, сам себе хозяин, отчётов не держу, о лошади не мечтаю, – она отодвинула кошку, та раздражённо мяукнула. Вытащила пачку Ротманс из заднего кармана джинсов. Стукнула по коленке блестящей коробочкой и оттуда как черт из табакерки вылетела сигарета, следом зажигалка. Девчонка понтовито прикурила, втянув щеки. В сентябрьском фиолетовом вече-

ре мерцал пасленовый огонёк. Танча щурилась и скребла ногами по земле, сотворяя при этом ртом из едкого дыма причудливые фигуры. Сергей молчал. Она, такая своевольная и "настоящая", нравилась ему все больше:

– Пойдём, провожу что ли?

– Я без провожатых обойдусь, – дерзко ответила Таня.

– Да, ты не подумай, я ничего такого, – он не хотел её отпускать и бесило, что Тане было все равно на его мнение.

– Давай, чао бамбино, – девушка махнула овсяной всклокоченной головой, сверкнула янтарными глазами, в отражении тусклого света они были похожи на глаза пумы. Манят и пугают. Спрыгнула со скамьи, схватила кошку и засунула за ворот джинсовки, которую напялила уже на ходу. И побрела по раздолбанной выщербленной бетонке между кустов шиповника в сторону Кирпички. Сергей нерешительно пошёл следом. Флюшка пригrelась и уснула, посапывая и урча. Сергей напевал под нос, сбивая носком кроссовка только что опавшие листья. За спиной странной парочки слышалась брань, мерзкий гогот, звон разбившегося стекла, и раздражающий тишину посёлка звук свистка, словно возвещающий о конце футбольного матча. Молодые люди остановились и прислушались.

– Шалопай, дармоеды, все матерям вашим доложу, глаза зальют, ходить по родному селу страшно, – Сергей узнал голос.

– Это мама, – успокоил девушку. – Вы же знакомы уже.

Она гроза всех местных гопников. Её отец, мой дед, здесь начальником милиции был, вот свисток подарил ей ещё в детстве. Деда нет, а страж порядка остался, – немного с сарказмом, но по-доброму, сообщил ухажер Татьяне.

– А, ну ладно, вы тут по-семейному домой давайте, шуруйте, я добегу.

– Мам, тут Таня, помнишь? Вы с ней в трамвае познакомились? Ты её к нам приводила, помнишь? #

Девушке ничего не осталось, как задержаться. Она была обязана этой добросердечной женщине.

– Ох, здарсьте вам, забор покрасьте... – Мама Сергея резко распахнула объятия, отбросив сумки в сторону. Таня в этот момент нахохлилась, и отчётливо представила, что вместо Регины Сергеевны перед ней Доцент в рваной майке, грозно ослабившись, встречает новых сокамерников. Тут уж точно – назад дороги нет. Серёжа хорошо знал мамин юморок.

– Ма-а, ну хватит, это ж Таня, – парень попытался изобразить заград – рубеж. Женщина поправила вязаный бежевый берет на макушке. Выпятила грудь из драпового прямоугольника. И с видом локомотива, что летит вперёд с остановкой в Коммуне, устремилась к девчонке.

– Ах, ты пигалица, ну-ка, иди сюда! Где ты эту оторву подобрал, а-а-а, – Регина по ходу шикнула на сына. – Иди, сюда, стой, кому говорю, пигалица, – попыталась ускориться, но одышка приказала бросить эту затею. Она пыхла пара-

возом, и хмыкала. Придя в себя, указала на сумки выстрелом глаз. Сергей мгновенно сориентировался.

– Танч, Таня, я тебя найду, – крикнул раздосадованный юноша вслед ускользящему во влажной темноте сентября тонкому силуэту. #

– Хоть знаешь, с кем связался, олух ты царя небесного, два метра вымахал, а ума нет, – сетовала по пути домой расстроенная мать с поникшими плечами. Драповое серое пальто выглядело уже не так воинственно и болталось на женщине, как на вешалке.

– Я не понял, МА, ты ж её сама в дом привела...?

– Дак, дура, вот и привела! Говорить тебе не хотела, она ж, пигалица эта подзаборная, всю зарплату мою украла. Вот, прав мой отец: добрыми намерениями выложена дорога в Ад, – она еле перебирала ногами в растоптанных полуботинках на танкетке, то и дело спотыкаясь.

– Ма, давай ты успокоишься и все расскажешь дома, – Сергей насупился, замолчал, судорожно пытаясь вспомнить ту первую встречу с Татьяной у них дома. #

В тот день стояла такая жара, что плавился асфальт, изрыгая причудливые хрономиражи, а открытые настежь окна не спасали от болезненного удушья. Пот, казалось, заполнял даже раковины ушей. Накрыло пепельной дымкой пригородную архитектуру, будто наказывая скрюченные двухэтажки за их пнистость. А девчонка, мамина гостья – в болоньевой бордовой куртке и шапке на глазах, жадно упле-

тала щи со шкварками. Смачно причмокивая, присёрбывая, утирала рукавом рот. Молодой человек исподлобья изучал странного человека, с женским голосом. Миловидное лицо, светлые аккуратные брови, правильные черты лица. Взгляд задержался на белом, будто молния на погонах Эсэсовцев, шраме над губой. Кошачьи хитрые глаза с прищуром шмыгают по сторонам. Пацанский прикид и набитый, повидавший мир и тяготы жизни, рюкзак. Сергей понял после встречи с Таней, что его бытие уныло и однообразно. Зацепила. Разделила яркой изолентой его серое существование на «до и после». #

Вырвавшись из оков воспоминаний, Сергей обнаружил, что уже сидит за тем самым столом, круглым, с клеенчатой кружевной скатертью, а мама гремит всю тарелками и кастрюлями. Пахнет фаршированными перцами, плавленым сыром и укропом. Мама...

– Мам, так ты расскажешь? Что тогда произошло? Привела в дом человека, потом помой выливаешь? – Сергей встал резко из – за стола. Случайно зацепил рукой скатерть. Та шуршащей змеей сползла на кафель, бабушкина фаянсовая солонка покатила, разбрызгивая солёные слезы.

– Вот неуклюжий, что взбеленился, сын, ссор ещё из-за этой пигалицы в доме не хватало! – женщина в сердцах бросила полотенце на столешницу, выключила плиту, и ушла в комнату. Хлопнув кухонной дверью так, что задребезжало стекло в деревянной оконной раме.

– Мам, – постучался Сергей к матери. – Ма, открой, рассказала бы сразу.

– Отстань, успокоюсь, расскажу, соль с пола не поднимай, иди, занимайся своими делами, – раздался приглушенный сдавленный голос Регины Сергеевны.

– Хорошо, – раздосадованный Сергей выскочил на улицу.
#

Чернильный сумрак сполз на посёлок. В оранжевом отблеске тусклого фонаря танцевали юные изящные снежинки словно балеринки. Молодой человек съежился от ночного холода, поднял воротник куртки повыше, и побрел прочь, подальше от дома. По стылой одинокой аллее. К центру. Свист позади вывел из оцепенения. Он обернулся через плечо и ускорился. К освещенной площади.

– Эй, дрыщ, куда собрался? Поговорить бы? – прокуренный надтреснутый голос остановил Сергея. Он медленно повернулся. Лысый с компашкой медленно окружали парня. – Твоя болонка сотовый мой подрезала, люди шепнули, что на заброшке где-то ошивается, может сам покажешь? Или дорогу уступи. Гроза района подошёл вплотную, и сверлил снизу вверх взглядом, дыша перегаром. Для устрашения подсвечивал свое лицо фонариком, от чего глаза напоминали два зловещих огонька в хэллоуинской тыкве. #

– Ты со словами, дружище, будь поосторожней. Не пойман – не вор. И мне тут перегаром в лицо не дыши. Не пью, и

запах не переносу. Шли куда-то, вот и идите! – Сергей напряг мышцы спины, в карманах куртки сжались кулаки.

– Че то борзый ты, а мы – то по понятиям, баба твоя укра- ла мою вещь. Вот свидетели, – лысый подозвал взмахом руки свору поближе. Те закивали головами, как болванчики игру- шечные на торпедо машины.

– Так тёлка твоя? – в свете фонарика густые брови лысо- го соединились в одну линию, а нос сморщился как у моп- са. Главарь предполагал, что таким образом его лицо имело грозный вид.

– Не тёлка, а Таня, это, во-первых, во-вторых, этого кроме тебя и твоих дружков не видел. В том числе и я, – на этом разговор закончен.

В этот момент Сергей почувствовал, как по спине пробежал гадливый холодок предчувствия опасности. В мгно- вение на его шее затянулась удавка из шарфа, а под локти Сергея схватили в железный обруч ещё двое. Как шакалы, исподтишка. Стальной луч фонаря светанул в глаза. Лысый принялся рьяно шарить по карманам джинсов и куртки Сер- гея.

– Ох-ох-ох, телефончик, – авторитет в кожанке включил сотовый и пролистнул записную книжку. – Так, так... о, Тан- ча..., – лысый мерзко ухмыльнулся, скривив рот, – А че не не БТР, или как там? – раздался за спиной дружный гогот. – А, танк, простите, – самоуверенный пацан размахивал перед носом Сергея гаджетом.

– Слышь, прекрати этот театр, зрителей все равно нет, – прохрипел разозлившийся парень, шарф затянулся на шее ту же, вдавив кадык. Сзади по голове прилетел увесистый подзатыльник. Сергей сжал челюсть, мышцы шеи напряглись и вздулись. Он попытался, осторожно, ослабить хватку на локтях. Почувствовал боль через куртку от впившихся пальцев. Получив неожиданное преимущество, когда перестал трепыхаться, резко подскочил. И воткнулся хлестким ударом двух ног в пластилиновое тело Лысяка. Оттолкнулся. Перенёс вес тела, в невероятном кувырке вывернулся и остался позади шпаны. Те замерли в недоумении. Вот тебе и дрыщ.

– Телефон вернули на базу, быстро, – Сергей уже не сдерживал эмоций. Он кричал, тело билось в дрожи от выброса адреналина в кровь.

– Эй, полегче с приемчиками, – предводитель шайки надломившимся голосом от испуга попытался взять ситуацию под контроль, отпрыгивая в сторону. Руки его забавно разлетелись в сторону, лицо вытянулось, от чего он стал похож на цаплю, высматривающую лягушку в болоте. Тощие ножки в варенках зацепились друг за друга, и парень плюхнулся задом на выщербленный асфальт. Как мог гроза района быстро вскочил, и Сергей выхватил взглядом блеснувший под фонарём кусок стали в руке гопника. «Нож?», – напрягся он. Лысый осмелел, на пару шагов приблизился к жертве. – Шас автограф поставлю, я ж знаменитость, где? Тут? Или тут? –

взмахи заточкой перед лицом не казались устрашающими. Раздражали скорее, как зуденье комара.

– Слушай, как тебя там? Не пугай пуганного, а взялся за нож – бей, другого шанса не будет, – голос Сергея был словно чеканный шаг. Твёрд и уверен.

– Ты че, вообще бессмертный? – лысый напрягся. Надо держать фасон перед сворой дружков, но дело принимало серьёзный оборот. Его бугристое от оспин лицо расплылось в гнусной улыбке. Авторитет резко дернулся вперёд, изображая укол шпагой. Сергей лишь напряг пресс. И встал в боевую стойку, закрыв левой корпус, а правую руку чуть выставил вперёд на уровне бровей. Ожидая зрелища, столь редкого, в пригородном захолустье, парни включили фонарики на телефоне. И расступились. #

Цапля в кожанке кружила вокруг, вытягивая шею, размахивая руками, и переставляя неуклюже ходули. Заточка была еле заметна под длинными рукавами куртки.

– Давай, короче, махнемся, ты мне адрес девахи, а я тебе здоровье? Норм сделка? – стоя зашипела.

– Бессмысленный разговор. Если я начну говорить по понятиям, и подтяну сейчас тебя на эту перспективу, ты мне проиграешь. Никакой сделки. Вас – толпа, напали со спины как шакалы, моё оружие – слово, твое – заточка и непонятные предъявы. Что и кто у тебя украл, не знаю, киношек насмотрелся? – Ты под кем ходишь, такой борзый? Я не понял, – рука с заточкой шелестнула совсем близко. Сергей,

словно британцовывая, легко уклонился.

– Под кем, или под чем, ты? Я под небом мирным хожу, дышу свободно, хорош качели эти качать. У тебя конкретно ко мне какая претензия? – Сергей прижал подбородок к груди, скулы заострились, брови сдвинулись. Он сделал шаг вперёд. В этот момент нога его подогнулась, под колено жёстко всадили со спины. – Сволочи, – выплюнул яростно падающий на колени парень.

– Я же предлагал сделку, – волчьи глаза вперились в его склоненную голову. Рука-зачотка свистнула по щеке, выжигая рану. Хлынула кровь. Гул одобрения поддержал главаря. – Где она? – зашипел в ухо лысый.

– Не знаю, – так же шипя, сквозь зубы, процедил Сергей. #

Тревожную тишину разорвал высокий, прерывающийся женский голосок. Из-за облетевших жасминовых кустов донеслась песня невольниц. Да так пронзительно, все ближе, насыщеннее, большее лилась музыка. Липкие слова из арии пронзали смыслом, то матовые, то яркие тона наполняли мелодию красками. В тени аллеи появился хрупкий, точеный силуэт. Девушка. Пела так, что голосок её парализовал всех, сковал волю, пригвоздил ноги к земле. Фигура медленно приближалась. Светящиеся гаджеты с удивлением и ужасом одновременно направились на источник звука. Резко песня оборвалась и голосок – колокольчик огрубел, бросая вопрос за вопросом как дротики по мишени:

– Кто меня искал? Ты? Или ты? Какая-то проблема у нас? – девушка размахивала увесистым предметом. Серёжа сразу понял, что предмет тяжелый, потому что она постоянно меняла руки или держала его двумя сразу. И руки дрожали.

– Верни телефон, дура конченная, знаешь, сколько отвалил за него? – огрызнулся главный. Шайка не шелохнулась. Сергей поднялся, зажал ладонью кровоточащую щеку. Двинулся первый навстречу Тане.

– Тань, беги, – Сергей ускорился, вытянув руку вперёд, словно пытался заслонить невидимым щитом девушку от опасности.

– Эй, однажды я услышала одну вещь: «Есть два типа людей. Одни катят мир, а другие бегут рядом и орут: «Куда катится этот мир?». Так вот, – зловещую напряженную тишину разорвал выстрел.

– Не-е-т, – протяжный крик. Сергей рванул навстречу девочке. Лысый упал. Следом как перезревшие плоды со старой яблони на остывший асфальт плюхнулись один за другим его прихвостни. – Танька, ты что творишь, – Сергей задышался, ощущая кожей непоправимое. Он вцепился мёртвой хваткой в руку со смертельным оружием. Дуло уперлось в ремень джинсов. В нос парню ударил запах, похожий на тот, что витает в тамбуре переполненной электрички в пятницу. И едва уловимый – пороха и машинного масла. Танька сопела, но пистолет не отдавала. – Отдай, – цедил Сергей,

чувствуя, как рука девчонки вибрирует натянутой тетивой, готовая взорваться стрелой по цели. – Не отдам, сказала, я не прогибаюсь. Мир пусть под меня прогибается, – шипела Таня.

– Дура ты, в тюрьме твои цитаточки не пригодятся, отдай, говорю. Я пацифист, слыхала про таких? Сейчас разожму руку, прости, синяки точно останутся, возьму эту железяку и проверю, задела ты кого или нет. Идёт?

– Я его украла. У мента. Возьмёшь, там твои пальчики будут, пойдём вместе в тюрьму, – девица повесила за спусковую скобу оружие на палец. И усмехнулась. Проверяла. #

Сергей, не задумываясь, выхватил «Макаров» и сунул в карман, отщёлкнув назад предохранитель. И только в этот момент Таня, подняв глаза, заметила на щеке друга кровь.

– Уроды, – оттолкнула парня и стремглав бросилась к поднимающимся с земли пацанам. Лысый не вставал. Таня застыла. Неужели убила? Захотелось исчезнуть, губы затряслись, глаза наполнились влагой, соль слез разъедала трещинки на губах. Она сделала шаг назад. Сергей обошёл её, наклонился и пощупал пульс на шее хулигана. Стука сердца не слышно. Дружки его исчезли в кустах будто призраки. Парень приподнял лысого за плечи, схватил под мышки и забросил как мешок картошки врага на спину. Ноги его болтались как две макаронины, вывалившиеся из тарелки.

– Я в больницу. Скажу, что нашёл возле Кирпички. А ты беги, Танч, я позвоню.

– Я не убегаю... – она помедлила, – никогда не убегаю. Я с тобой, – девушка засеменила следом. Откуда не возьмись, возле её ног уже тёрлась облезлая Флюшка. – Она тоже своих не бросает.

глава 4

– Эй, че творится? – гулкий кашель сотрясал хилое тельце лысого. – Битый небитого везёт? Так выходит? – "подстреленный" стучал по спине Сергея, как проигравший боец на татами.

– Очнулся? – Танча треснула лысого по голове.

– Спусти, – сдавленным голосом, уже не так смело, про бурчал тот. #

Серёжа поставил пацана на асфальт, придерживая за плечи. Местный авторитет уже не выглядел борзо и устрашающе.

– Ты че? Впечатление сложилось, что ты в массовке частенько снимался? Что ты тут исполнил? Я думала, убила тебя! Придурок, – Таня набросились на парня с разбегу. Сергей еле успел заслонить собой нахохлившегося хулигана, похожего в тот момент больше на голубя в проеме чердачного окна после дождя.

– У меня это, ребзя, «гопофобия», короче. Батю застрелили, я малой ещё был, тот хлопок как взрыв мозга. Помню, как сейчас. И отец, башка в крови, глаза стеклянные пялятся

на меня, не моргая, а я – напротив. Под кроватью. Потом не говорил долго и как кровь или оружие, сразу – хлобысь. И валяюсь. # Сергей почесал подбородок, задумавшись.

– Хм, чешешь знатно, а с ножичком, значит, договорились как – то? По – пацански?

– А это я в эффекте был, – ухмыльнулся лысый.

– В дефекте ты, debil, сказки эти венского леса дружкам расскажи, если догонишь. Пятки сверкали, так бежали, что подметки в хлам.

– Я, это... – пришедший в себя бритоголовый протянул руку Сергею, – извиняй, короче, меня Лар зовут. Ну это, Ларион, бл...ь, ну вот, папаша в честь кореша назвал. Проехали тему эту. Окей? – Ларион кинул вскользь взгляд на девушку. – Проехали? Тока это, телефон вертай назад.

– Ты опять за своё? – Таня услышала, как у друга заскрипели зубы, он весь вытянулся, напрягся, словно струна. Кулаки сжались.

Девушка медленно подняла Флюшку с земли, прижала к груди кошку, и прошептала:

– Отдадим идиоту его игрушку, все равно запаролен? – и с видом Королевы Датской, разрешающий поцеловать руку, протянула сворованный гаджет.

– Лады, все претензий нет, ребзя? Расходимся? #

Сергей застыл в недоумении. Шок стал отступать. Он вспомнил про свою щеку, порез на которой отозвался незамедлительно жгучей болью. Глянул вслед семенящего пута-

ной походкой Лару, удаляющемуся по тёмной аллее прочь. И с удивлением посмотрел на подругу:

– Не ожидал, и зачем?

– За шкафом, – фыркнула девчонка.

– А ведь он не врал, я читала в одной психологической книжке, есть такая фобия – «гоплофобия» ...

– Зубы не заговаривай, – Сергей начинал злиться.

– Дай посмотрю, все из-за меня да? Я всем приношу несчастья, говорила же, отстань от меня. Не – свя-зы-вай-ся, – растянула по слогам обиженно, но потянула к лицу защитника тонкие белые, будто фарфоровые, ручки. – Кровь надо остановить, вдруг зараза попадет, – вспомнив, что держала уличную кошку, отдернула руку. – Тебе надо самому в больницу. Пойдём, – она схватила за штанину Сергея и потащила.

– Ладно, маршрут заданный не меняем, – расслабился он. – Это моё первое ранение, в разборках. Я прям уличный боец, – парень хмыкнул, и забавно изобразил технику удара рукой из восточных единоборств по невидимому противнику.

В исступлении ударник-дождь забарабанил по крышам, смывая жемчужными каплями прошлое. Было и прошло.

– У дождя мелодия? Слышишь? Там- там- татам- та дааа-ам- та -та -там? Узнаешь мотивчик? " И на сердце тот же до-о-ждь, льёт, меня-я бросаю в дрожь...". А Бьорк любишь?

К "Танцующей в темноте" она все песни написала. Слушала звуки города, природы и рождались строчки. Она волшебная, – Танча закужилась, пританцовывая. От волнистых волос отскакивали в ритме песни Руссо капли, сверкающие под мандариновым светом одинокого фонаря. Девушка то выгибалась пантерой, то грациозно устремлялась ввысь лебедушкой. С каждым взмахом нежных рук, воспаряла над мокрым графитом асфальта. Не замечая ночной мглы, душевной боли, беспросветности, она танцевала, и танец её отражался в лужах. Завораживая. Сергей мотнул головой, желая избавиться от наваждения.

– Это ты волшебная. На всю голову. Тань, пойдём домой, ливень надолго, заживёт и без докторов, – парень попытался остановить неистовый танец. Но она порхала мотыльком под отблесками уличной лампадки.

– Танцуй со мной, – крикнула Танча, разбудив местных псов, спрятавшихся от промозглого ливня в укрытии. Тявканье на все лады растревожил посёлок.

– Ты, я смотрю, танцуешь, стреляешь, словечки красивые знаешь, а по жизни – то ты кто? Мне вот вставать рано, на учёбу, вечером спорт, ночами в компьютерном клубе работаю, а ты? Танцуешь? Дома не ждут? Слоняешься как бездомная... – с Сергея словно упала пелена очарования.

Его аналитический склад ума произвёл расчёты и просчитал все шахматные ходы на пару лет вперёд. С этой сумасшедшей девчонкой весело, но не спокойно. Разболелась го-

лова, осенний холод нагло забрался под ветровку. # Таня крутанулась в завершающем па, застыла, заметив спину уходящего кавалера.

– Пистолет верни, ты куда?

– Натанцуешься, придёшь, адрес знаешь! – донесся ответ из тени мокрой аллеи.

«Он ушёл? Вот так вот взял и ушёл? Ну и вали, плакать не стану», – даже когда соль слез стала щипать уголки губ, Таня не окликнула его.

«Вот я урод, слабак! Конечно, так проще – уйти, чем пытаться понять человека. Она не побоялась против целой толпы выйти, девчонка, мелкая, по пояс мне. А я. Станных, не таких как мы – лучше обходить стороной, не замечать, а то проблемы потом будешь полжизни разгребать, мама так скажет. А я, так и буду жить мамиными советами?», – Сергей остановился. Сунув руку в карман куртки, нащупал ледяную сталь Макарова. Отдернул пальцы, боясь обжечься. Тряхнул рукой, словно её ужалила змея, притаившаяся в мокрой ветровке. Пнул жестянку из-под пива, развернулся, и рванул назад. К Танче. Влажная одежда похотливо липла к телу. Эти ощущения вызвали у Сергея чувство омерзения к себе. Под одеждой в горячем ознобе колотилось тело. Ни на тёмной аллее, ни у скамейки с тоскующим одиноким фонарём, девушки не было.

– Таня, – Сергей крикнул, хрипло, с надрывом. Распугал ворон и разбудил бродячих псов. Те отозвались с окра-

ины поселка тревожным лаем. Под ноги в лужу упал, сделав фуэте в воздухе, жёлтый кленовый лист с бурыми венками. Скукожился в дождевой воде и поплыл каноэ. Уносимый ветром. Сергей прислушался к воцарившейся тишине. За приземистыми домами инжирное небо разверзлось, расчищая место для пробивающихся алых демонических бликов. Сергей глянул на часы. Резко начало светать и парнишка рванул к Кирпичке.

«Где её там искать? Я даже номера дома не знаю. Рядом с Кирпичкой пара деревянных барачков допотопных, магаз, склады», – он ускорился. Одежда на ходу быстро сохла. На остановке возле площади уже толпились люди. Сонные, хмурые лица. Молодой человек вскользь глянул на них. С сочувствием.

– Серёжа, – родной встревоженный голос.

– Мам, не заметил, на работу?

– Хорошо, что в ночных гулянках ещё память не растерял? Мать узнаёшь, рада. Я поутру зову – не дозовусь, Серёжа, сынок, тишина. А постель то и не разбиралась. Взрослый стал, погляжу, – уставшие покрасневшие мамины глаза с осунувшегося лица смотрели с укором. Сергей стоял в пол оборота, пряча лицо.

– Посмотри на меня, когда с тобой разговариваю, – мать раздражённо одернула сына за рукав. Сергей медленно повернулся, вжал голову в плечи.

– Мам, это, короче, упал, на штырь железный напоролся, –

виновато проямлил сын.

– Ах, – женщина в драповом баклажановом пальто стащила с шеи цветастый платок. Прерывисто задышала. Но смогла взять себя в руки. – Домой, немедленно, – арктический холод послышался в голосе и командный тон бывшего начальника цеха развалившегося завода.

– Мам, я те говорю, все нормально, – Сергей поплёлся в сторону дома, понуриив голову. Мать огрела сына сумкой по спине.

– Вот она – твоя взрослость? Такая твоя благодарность? Да? – Регина Сергеевна подтолкнула сына в бок, чтоб тот ускорился. Рука женщины ударилась об пистолет в кармане.

– Что это? Ты куришь? – с неожиданной резвостью мать запустила ладонь в куртку сына. Пистолет бухнулся на землю. Глаза женщины округлились, она не растерялась и кинула пакет на устрашающее орудие убийства. С немым вопросом взирая на сына, который застыл будто истукан с острова Пасха.

Пальцы Регины Сергеевны впились в локоть сына бульдожьей хваткой. Он почувствовал, как кровь отхлынула и рука онемела.

– Ты кого-то убил? – мать, озираясь по сторонам, обречённо прошептала одними губами. Пакет она придерживала ногами.

– Ты че, мам, это вообще не моё, – возмутился Сергей.

– Да кто ж разбираться будет, твоё – не твоё, я самолично в твоём кармане эту штуку сейчас обнаружила, мерзавец, – по лицу женщины катились слезы, она сдернула с шеи платок, выпустила руку сына, и присела на корточки. Сын присел было рядом. – Встань немедленно, сынок, наблюдай по сторонам, мама все решит, мама все исправит, – Регина взяла себя в руки, черты лица заострились, она продолжила бубнить себе под нос будто говорила сама с собой. – Мама на то и мама, – закончила она монолог, накинула платок поверх пистолета, медленно сдвинув пакет в сторону. Быстро спеленав «Макаров», сунула в сумочку. Дочь мента повидала в жизни всякое. Главное, что она уяснила от своего отца: в любой непонятной ситуации – не поддаваться панике и не оставлять отпечатков. Поэтому даже дома у Регины Сергеевны была стерильная чистота.

– Мам, и че теперь? – Сергей посмотрел виновато на мать, ощущая, как покраснели уши и щеки. И выдохнул. Мама все решит.

– Быстро домой, щас позвоню на работу, возьму отгул, Федька мне и так три смены должен, не переживай, сынок! – она подхватила пакет с асфальта и быстро засеменила к дому. Парня всегда забавляла мамина походка, сама грузная и, казалось, что ходить должна как утка. Переваливаться с боку набок. Но Регина Сергеевна плыла лебедушкой, незаметно перебирая ногами, грациозно, словно танцуя лезгинку. Горделивая осанка, подтянутый живот, несмотря на лишний вес

– его мама красотка ещё та. #

Сын шёл позади матери и размышлял о том, почему после смерти отца она так и не вышла замуж.

«Как не хватает отца. И зачем он ввязался в те разборки?», – Сергей носком кроссовка пнул с досады пробку из-под пива. Она брякнулась об жестяную урну.

– Балбес, не привлекай внимания, – шикнула мать через плечо. В этот момент она напоминала предводителя банды, идущего на «дело».

Сергей ухмыльнулся, представив маму в чёрной маске с прорезями для глаз, влетающей в банк и размахивающей пистолетом. #

В то утро Регина Сергеевна впервые не разулась, сразу прошла в кухню, скинув на пол пальто. Схватила аптечку, нашла перекись, пластырь, зелёнку и ватно-марлевые диски. Вывалила все на стол.

– Быстро в ванную, приведи себя в порядок и я обработаю раны. Остальное подождёт!

– Ну, точно предводитель... – буркнул под нос Сергей, посмеиваясь.

– Что ты там сказал? – сталь в голосе прекратила неуместные шутки.

– Да, понял-понял, иду уже, – вжав голову в плечи, сын скрылся в ванной комнате. #

Регина Сергеевна пошарила рукой в тумбе под раковиной и нашла резиновые перчатки. Одеда и аккуратно извлекла

пистолет из платка. Поднесла к окну, но спохватилась и резко задернула шторы. Кинулась к выключателю, дневной свет позволил разглядеть дьявольское орудие. Не новый. Весь ствол в царапинах. Женщина поднесла «Макаров» к носу – донесся сладковатый запах пороха. «Стреляли». Пока сын мылся Регина Сергеевна перебирала в уме возможные варианты решения ситуации. «Оружие в доме – уже хранение. Надо избавляться». Она решительно схватила сотовый.

– Доброе утро, могу я услышать Усманова Радика, тьфу ты, Родиона Рустамовича, – голос женщины дрожал.

– Женщина – это дежурная часть, майор Усманов в отпуске, звоните ему на личный номер, – сотрудник милиции монотонно просипел в телефон, Регине Сергеевне на секунду показалось, что в «дежурке» отвечает на звонки робот.

– Ой, мне очень срочно, а номер его потерялся, – она запнулась.

– Слушайте, гражданка, не отвлекайте от службы, личные вопросы решаем сами, если по делу – пишем заявление, – робот нажал отбой. #

Регина Сергеевна подошла к окну, впившись пальцами в сотовый. Посёлок пробуждался под золотистыми лучами проснувшегося сентябрьского солнца. Оно устало пробежалось бликами по крышам пятиэтажек и осветило асфальтовую дорожку к подъезду дома. Регина Сергеевна вспомнила как она, совсем малышка, взобравшись на табуретку, так же пристально вглядывалась в дорогу, утопающую в каштанах.

В ожидании отца со службы.

«Папа, ты никогда не вернёшься уже домой», – женщина смахнула слезу. Вспомнила как в такой же сентябрьский, солнечный день, папа, статный, в форме, несёт её первый двухколесный велосипед, сверкающий новой зеленой эмалью на раме. Отец заметил дочь в окне и помахал, неуклюже пряча подарок за спиной. «День рождения. Ах, сегодня же мой день рождения». Из воспоминаний выдернула пиликающая мелодия Нокии. Она будто очнулась, и даже не заметила как сын, вышедший из ванной, подкрался сзади. Навалился всем своим весом, обнял как ленивец лиану, и пробубнил в ухо:

– Мамочка, с днем рождения, прости, что вот так! – Регина Сергеевна вспомнила, что не переоделась, так и стояла в теплом спортивном костюме. От эмоций зарделась, пот стремительно заструился по спине. Женщина повернулась к сыну и, уткнувшись лицом в грудь, заплакала.

– Сереженька, люблю тебя, что же нам делать? Был бы дедушка жив...

– Мам, но ничего же не случилось ещё... – парень по-детски чмокнул женщину в соленую щеку. #

В этот момент снова раздалась писклявая трель на сотовом. Неизвестный номер.

– Алло, – неуверенно ответила женщина.

– Региночка Сергеевна, с днем рождения! Простите меня, совсем про вас забыл последнее время, – человек в телефо-

не, будто на бегу, разговаривал с ней.

– Радик, как я рада, спасибо, дорогой, я только что звонила в «дежурку». И тут ты звонишь, ты нам очень нужен. Мы, я, в общем, сын нашёл пистолет, – Регина Сергеевна не успела договорить, связь оборвалась. Женщина набрала последний входящий. Абонент вне зоны действия сети.

– Мам, что он сказал? Это ж дядя Родя?

– Он бросил трубку, – Сергей едва успел подставить стул, чтоб мама не сползла на пол.

– Может, таблетку какую, мам, тебе плохо, сердце? – лицо её покрылось багровыми пятнами, на лбу выступила испарина. Сергей стащил с матери кофту и открыл форточку. #

Звонок в дверь заставил застыть мать и сына. Словно в игре «Морская фигура замри». Звонок повторился, к нему добавился стук.

– Я открою, – Сергей решительно направился к двери. #

Регина Сергеевна услышала возню, лязг открывающегося замка, шорохи, шепот. Вслед за растерянным сыном вошёл запыхавшийся пухлый и краснощекий Радик. С букетом алых роз.

– А вот и виновница, виновница нашей встречи, – в густые поседевшие усы он рассмеялся и прижал к себе ошарашенную Регину.

– Как, Радик?

– Служебные секреты не выдаем, – он тут же бросил взгляд на пистолет в платке. Макаров притаился на столе,

разглядывая дулом милиционера.

– Говорил? – майор Усманов кивнул в сторону оружия.

– Кто? – испуганная женщина закрыла рот руками.

– Мы ж не сумасшедшие, Радик, что это нам с пистолетами разговаривать.

– Мам, ну ты совсем что ли, это ж дядя Родик про другое, – Сергей прикрыл платком пистолет. Друг семьи взял оружие через ткань двумя пальцами и поднёс к носу.

– Говорил, твою ж мать, и совсем недавно, – он гневно посмотрел на Сергея. – Рассказывайте. #

Парень рассказал все как было. Майор выслушал, задвигались желваки, ноздри раздувались его будто у быка перед родео. Майор думал.

– Покажешь место, где матрёшки остались?

– Какие? Аа-а, – Сергей стукнул рукой об руку, гильзы что ли? Да, покажу.

– Это у наркош гильзы, а ты все такие слова не произноси. Где найти твою подружку?

– На Кирпичке, кажется, – парень вжал голову в плечи.

Усманов, пыхтя, набрал номер на сотовом.

– Коржов, нужна твоя помощь, адресок назову, и прихвати надёжного человечка, и еще, – голос Усманова стал тише, но чётче, – пробей по базе номерок? – он продиктовал номер ствола и нажал отбой. Казалось, прошла вечность, когда затрезвонил Самсунг майора:

– Да, слушаю. Понял, в трамвае говоришь? А че он выру-

бился, нажрался? Да ладно, опер в коме? В какой больничке? Понял, принял. Жду на Кирпичке. Адрес смс, – лицо майора напряглось, складка между бровями будто вспорола кожу. – Серёга, собирайся. А вы, Регина Сергеевна из дома ни ногой, салатики стругайте, испеките шарлотку мою любимую с корицей. Ждите. Всё будет хорошо, – Родион подмигнул. – Если б из о-очень похожей ситуации когда-то меня не вытащил ваш отец, где бы я был, кем? Я никогда не забуду.

Регина, стоя у окна, с замиранием сердца вглядывалась через кремовый тюль в удаляющиеся по направлению к Кирпичке две фигуры. Долговязая плечистая сына с копной волос цвета льна, отливающих на осеннем солнце как медовый нектар, и располневшая, поменьше, майора. Когда они скрылись из виду, женщина быстро завернула пистолет в платок, потом в целлофан, и запихнула в жестяную банку из-под муки. Переодевшись в домашнюю одежду, позвонила в трамвайный парк начальнику. Сказалась больной, театрально кашляя в трубку. Регина Сергеевна без промедления помыла овощи для оливье и поставила их вариться в кастрюле. Сама продолжила готовить угощения к возвращению дорогого гостя. Бубнило любимое отцово радио, канал Маяк, от которого она никак не могла отказаться. Диктор баритоном поделился городскими новостями и перешёл к криминальным. Вполуха женщина прослушала кого убили, посадили, задержали, и вдруг слух выхватил из монотонной речи зна-

комый номер трамвая. Из трамвая номер 40, где она работала кондуктором, выволокли мужчину. Кинули на скамейке. Пассажиры предположили, что это наркоман из-за рвотных масс на одежде. Умиравшего вовремя обнаружили. Им оказался сотрудник милиции, которому стало плохо, и его вовремя доставили в больницу благодаря равнодушным людям. Он ещё жив, но в коме.

«Ужас, что делается, и это на моем маршруте, куда мир катится?», – Регина возмущённо стукнула по столу ладонью.
#

Усманов и Сергей миновали посёлок с новыми застройками, и очутились в старом квартале. С него и зародилось село Маковицы. Как принято было в былые времена – сразу поставили деревянную церквушку с маковкой, которую издалека было видно приедем. Она стояла на взгорье, в низине когда-то журчала речка, от которой остался уставший ручеек. Старожилы говорили, что маковка церковная – символ всегда горящей свечи, освещающей пламенной молитвой путь. Отсюда и название Маковицы. В войну фашисты сожгли церквушку, после извергов остались несколько барачков и одна постройка из шлакоблоков для офицеров. Все избы сожгли и сжигали танками с землёй. Позже село росло и развивалось. Построили Кирпичный завод, потому что земля Маковиц богата голубой глиной. Появилась работа, поехали люди, село стало провинциальным городком.

– Ого, да у вас здесь полно увеселительных заведений,

дружище! – присвистнул Усманов, окинув два сохранившихся и просевших деревянных барака, которые давно прогуливают похороны в костре бродяг. – Здесь живут карлики?

– Не, дядь Родик, мы их называем орки, вон, один выполз на охоту, – Сергей усмехнулся. На выложенную дорожку бетонными плитами выполз косматый красноносый тип неопределенного пола, с помятым лицом, в женском фланелевом халате.

– Орк, – засмеялся Родион и его усы пустились в пляс над верхней губой. – Не знаю, что это значит, но ему идёт. Или ей? – майор окликнул орка. – Прошу прощения, гражданочка! Человек ускорился, оглядываясь, то и дело спотыкаясь о заросшие травой стыки между плитами. – Один вопрос, уважаемая! Стоять, милиция! – Усманов пустился вдогонку, шумно заглатывая воздух.

– Стою, стою, – у синеносой дамы оказался соломенный бас. – А че я сделал? Это все Людка с подружкой своей. Беспризорной. Шляются, где не попадя. Приличным людям жить мешают. Оно высморкалось, прижав палец к ноздре и вытерло нос об рукав халата. #

Сергей и майор одновременно поморщились.

– Серёга, есть фото подружки? – у Родиона напряглось лицо будто кто-то невидимый надел пластмассовую маску, так что ни одной эмоции нельзя было прочесть.

– Есть, одна, – Сергей протянул телефон майору.

– Ух ты, какой экранчик, прям кинотеатр, – оценил ми-

лиционер сотовый и развернул к орку изображение. – Она?
– Она, она, ей же в нашей квартире администрация выделила комнату. Так не живётся ей по-человечески. Шляется, и дочку нашенскую с пути сбила.

– Как говоришь, не слышалось? По-человечески? А, ну да... а че она детдомовская, сирота?

– Угу, – хмыкнул пропойца.

– Знал? – просверлил взглядом майор парня. Сергей покачал головой, опустив глаза. – Где тусят они? – майор просканировал халат в жирных пятнах и вперился в бесцветные глаза мужчины.

– Ну?

– Знамо где, на Кирпичке, – прошепелявил алкаш. #

В этот момент раздался звонок на сотовый майора.

– Понял, принял. Барона взял? Тогда давай лучше к клубу. Отбой, – Усманов убрал трубку в карман. – Дружище, вот что я тебе скажу, – Родион замолчал, – ладно, я тебе не отец, парень совершеннолетний, сам разберёшься, но мой совет, забудь эту девочку. Чую большую подставу. Короче, иди на Кирпичку, походи там вокруг, а мы с товарищем поищем матрешек и сразу к тебе. Понял?

– Понял, я справлюсь, не переживайте.

– Ты лучше переживай. Наделал делов, – майор отмахнулся, поправил кепку и ускорился навстречу сослуживцу. #

Сергей пролез в выбоину словно от снаряда в бетонном

заборе, окружавшем развалины кирпичного завода. Пустые глазницы с ресницами из молодой поросли забытого людьми здания пялились на парня. Вся территория вокруг заросла кустарником. Тропинок к заводу не было.

– Танч, Тань, – крикнул Сергей. Огляделся, тишина. Вспорхнула птица. – Танч, это я, Сергей, – он ещё раз осмотрел здание. В одном из окон без стекла, на третьем этаже, он заметил её.

Девушка в болоньевой куртке и вязаной шапке, сдвинутой на глаза, сидела, обнимая кошку. Смотрела в его сторону.

– Поднимайся. Или боишься?

– Повода не давал так думать. Щас, – Сергей раздвинул кусты.

Пока он продирался сквозь строй колючих стражей шиповника и боярышника, кивающих багряными шлемами, принцесса исчезла в окне. Исцарапанной ладонью в ошметках паутины Сергей прикрыл глаза от солнца и оглядел кирпичное здание с замысловатыми граффити на стенах. Из глубины заброшки послышалось пение, голос – колокольчик удалялся, долетел лишь ускользящий припев: «Засыпай, у меня на руках засыпай... потерянный ра-ай». #

Возле трехэтажной бывшей фабрики с погибшими пристройками вокруг растительности не было. Поэтому чётко видна была утоптанная тропинка вокруг кирпичного пенсионера. Сергей рванул справа, вспомнив поговорку друга «налево ходят только ляди» и пожалел. Чуть не угодил в откры-

тый люк. Тропинка резко оборвалась у изгороди дикой акации. Парень замешкался. «Ну не в люк же она сигает?». Окна первого этажа заколочены досками и фанерой. Железные листы, прячущие главные вход, заварены. Сергей никак не мог разгадать ребус. Пока не увидел с левой стороны здания отодвигающуюся доску в окне первого этажа. Из образовавшегося отверстия вылезла с деловым видом плешивая Флюшка и сиганула в кусты. Сергей подбежал к лазу и дернул со всей силы доску. Щель не позволяла пролезть, даже если получится запрыгнуть. За досками – ржавая решётка. «Что за хрень?». #

Неожиданно сверху прилетел камешек.

– Эй, ну че, интеллекта не хватает или сил? – Таня высунула кудрявую голову из окна последнего этажа. Солнечные блики танцевали по завиткам Танькиных волос цвета жженой карамели и напоминали кремовое безе. Сергей почувствовал жуткий спазм, в животе заурчало. Он вспомнил, что со вчерашнего не ел. Татьяна захихикала, довольная своей шуткой. – Это потерянный рай, для таких как я. Чужим здесь не место.

– Я чужой, значит?

– А время покажет. Чужие здесь и не смогут. Ты вначале попади, – Татьяна хохотнула. – Слабо?

– Тоже мне Рапунцель, – рассердился не на шутку парень. – У меня разговор серьёзный, а ты все в игры играешь.

– Говори тогда. #

Сергей со злости рванул ржавую решетку на окне, сковывающая цепь ставни, забренчала как кандалы на галерных рабах.

– Ствол твой мама нашла! – выкрикнул он.

– Мой? С чего бы?

– Ты из него палила, могла человека убить, тебе все равно?

– Я испугалась. Испугалась, дурак, за тебя, – Таня исчезла из окна.

– Менты все равно тебя будут искать, я предупредить пришёл, а ты... за кого ты испугалась? Ты и пяти минут не думала ни о ком, кроме себя, – Сергей с досадой тряхнул решетку будто яблоню. Запустил пятерню в густую пшеничную шевелюру, взъерошил волосы, и быстро зашагал к кустам у ограды. Не оглядываясь.

– Стой, Серёга, стой, ну, извини. Я впущу и мы поговорим. Ну, одну загадку отгадай. Ты не чужой, но и не свой, ведь так? А это мой дом. Мои правила. И это ты ко мне пришёл. #

Сергей нехотя оглянулся и поднял голову на голос из окна. Кремовое бежевое волос уже искрилось на солнце со второго этажа Кирпички.

– Давай свою загадку, Рапунцель, – Сергей был раздражен и заинтригован одновременно. «Хочешь уйти и не можешь, никогда не думал, что это возможно».

– Сидит девушка, а вы не можете сесть на её место, даже если она встанет и уйдёт. Где она сидит? Отгадаешь, спу-

щусь. Нет – значит, мне и не надо знать то, что ты хочешь сказать.

– Так это легко, пф-ф, в такси она сидит! Спускайся, – довольный парень раскинул руки, расплывшись в довольной улыбке.

– В другой раз, не угадал, но у тебя есть ещё две попытки, так и быть, – Таня уселась на подоконник, свесив ноги. Флюшка, нагулявшись, прошмыгнула в заколоченное окно. Сергея все больше распирало любопытство, где этот чёртов вход. Дело принципа – найти его. Он медленно двинулся в сторону левого крыла здания, сминая полынь и цепляясь штанами за репейник. # Неожиданно позади что-то зашуршало. Сергей резко обернулся и краем глаза заметил парнишку. С целлофановым пакетом, полным хрустящих жестянок. Мальчонка проворно юркнул в открытый люк. И исчез в клоаке канализаций.

– Батон, предатель, – зазвенел Танькин голосок. И девушка исчезла из виду. Через несколько минут металлические ворота клацнули и распахнули объятия в заброшку. Посреди огромного холла, который когда-то был складом, судя по запаху аммиака и глиняной взвеси, стояла Таня.

В своей излюбленной болоньевой куртке, болтающейся на плечах. В чёрных лосинах и высоких ботинках на шнуровке, отчего издали напоминала солдата Джейн. Она будто приготовилась принять бой и вот-вот из-за спины достанет автомат.

– Если б не Батон, не пустила тебя. Ну, заходи, – Таня направилась к воротам, чтоб закрыть. Батон, малец лет девяти, хрипло засмеялся. И сквозанул к лестничному пролету с правой стороны холла.

– Я сам закрою. Неужели ты здесь живёшь?

– Неужели, в самом деле, все сгорели карусели? – Таня картинно закатила глаза и театральным жестом прикрыла их ладонью. – Пойдём за мной, маменькин сынок. #

Где-то в сердце завода застонали протяжно и волнующе «Ангелы» Моранди.

– Громче, Батончик, – Танька взлетела в прыжке, словно вспорхнувшая из гнезда на скале ласточка.

«То ли балерина, то ли сумасшедшая. По ходу я уже ни дня не смогу без вот этого всего!», – Сергей почувствовал, как упорхнули с ее танцем остатки его разума. Осталось восхищение и...вожделение.

Его Таня, порхающая бабочка, шуршащая болоньевыми разноцветными крыльями, будто не испытывала земного притяжения вовсе. На миг парню показались картинки - слайды при взмахе её тонких рук. Взмах левой – искрящееся озеро, обнятое серебристыми ивами. Взмах правой – лебеди плывут по тихой глади. Наваждение. Музыка резко стихла. Он тряхнул головой и заметил, что танцовщица исчезла с импровизированной сцены. Парень устремился вслед ещё слышным удаляющимся шагам. Нагнал Таню в коридоре третьего этажа. Сергей нагнал девушку, болонь шелестела,

громоздкие ботинки её скрипели, но походка была все такой же парящей. Парень сверлил взглядом её ровные, обтянутые лосинами ноги. Очарованный, плелся за прелестницей. Со стороны могло показаться, что скажи ему сейчас Татьяна прыгнуть с крыши, вниз головой, прыгнет. Он не заметил, как прошёл облезлый коридор, воняющий кошками, до конца. Спустился по узкой лестнице с крошащимися бетонными ступенями. И провалился в затхлость полуподвального помещения, заглотившего его как мошку в зловонное нутро.

Глаза не сразу привыкли к темноте, по спине побежал холодок, шевеля волосы на затылке. Вытянул руку. Услышав звонкий смех, шорохи, чирканье спички по коробку, наткнулся на кудрявые жёсткие волосы. Точно проволока. Тут же в нос ударил чадающий запах парафина, Сергей закашлялся, отстранившись:

– Мелкая, эти шуточки забавляют только тебя, – парень изобразил недовольство в голосе. В этот момент Таня подняла вверх трепыхающуюся толстую свечку на металлической тарелке и осветила лицо гостя.

– Добро пожаловать! – девушка поставила источник света на столик. Сергей быстро осмотрелся.

– Ого, да у тебя тут антикварная лавка. Ты бабка – процентщица? Бойся, бабка, я Раскольников, – молодой человек, предполагая, что удачно пошутил, состроил гримасу: будто поперхнулся лимоном. Нахмурил брови, и двинулся на Таню, выставив руки вперед. – Кто я, тварь дрожащая

или право имею? – Таня с хохотом проворно заскочила на колченогую табуретку, став с Сергеем одного роста. Она колыхалась, как канатоходец, на стульчике. Пытаясь удержать равновесие. Куртки на Тане уже не было. Парень выхватил взглядом её высокую округлую грудь без белья под топом. Дыхание зашлось.

Таня покачнулась на стульчике, словно девочка на шаре. Сердце его уже бомбило глухими взрывами вниз. В паху болезненно ломило и распирало. Сергей еле сдерживался, чтоб не сорваться. Губы пересохли, в этот момент он был рад, что в комнатушке полумрак. Глаза наверняка выдали бы в нем маньяка. В этот момент лохматый стульчик тоже возбудился. Застонал, выдохнул жёстко, с хрустом рухнул обессиленно на пол. Сергей успел схватить Таню и прижал с такой силой, будто от этого зависела её жизнь. Проказница шепнула на ухо:

– А ты знаешь, что Раскольников террорист. Самый что ни на есть. #

Кровь снизу резко вернулась в мозг Сергея. Шелест её голоса был приятен, мурашки поползли по бёдрам и животу. Сердце теперь колошматилось в груди. В янтаре её глаз плясало пламя свечи отблесками – чертиками.

– Ты о чем? – чужим голосом прохрипел, не выпуская девушку из рук. Она попыталась вырваться, хихикая, он вдохнул запах её волос. Закружилась голова. И он решился. Попытался поцеловать, дерзко кинулся губами к её, как коршун

за добычей. Таня выгнула шею назад. Потом будто желе вытекла из его рук. Он не сразу понял, как она проделала этот трюк.

– Никогда не делай так, понял? И я терпеть не могу Достоевского.

– Ну ты что? Обиделась? Ну, прости, так вышло... – он попытался удержать её. Таня схватила свечку со стола, резко выставила её перед собой, освещая безумное выражение лица гостя. И закричала:

– Я ненавижу террористов, ненавижу, – глаза её налились ненавистью. Лицо исказилось болью. Его Таня дрожала.

– Иди сюда, я тебе не враг, – Сергей растерялся, но чувствовал, что сейчас он ей нужен. #

Таня поставила свечку, медленно подошла к пластиковой этажерке, заставленной всякими безделушками. Зажгла ещё свечи. В помещении стало светлее, тут он заметил на стенах ковры. Потертые, и не очень, овальные тряпичные панно и шерстяные, с узорами. Она подошла к красному ковру, пестреющему голубыми ромбиками и жёлтыми зигзагами, и отогнула уголок. Сергей касался взглядом её изящных пальцев. Скользил по чёрной майке, обнимающей спину, упругой попе. Неожиданно на запястье Тани он увидел шрамы и перекрывающую их корявую татуировку.

Задрожало в экстазе пламя цвета апельсиновой шпинели, страстно поглощающее оплывшие восковые остатки на блюде. В тесной камерке вдруг стало душно и неудобно. Две

свечки дрогнули будто от ворвавшегося сквозняка и помещение захватила в полон полутьма. Хриплый детский голос прервал тугую, напряженную тишину:

– Мам Тань, я на охоту! – Батон просунул голову в открытую дверь.

– Батончик, сейчас я договорю с пришельцем, и решим. Подожди, – лохматая голова послушно исчезла.

– Батон? Мама? Что это вообще за клички такие? Кто ты вообще такая? Ему же лет десять, и ты его мама? – Сергей был растерян и обескуражен.

Таня снова чиркнула спичкой и подпалила новые свечки, которые достала из-за полога. В комнатухе стало еще светлее, краем глаза Сергей заметил фото в рамке на деревянном поддоне. Его Таня использовала как стеллаж. Девушка молча смотрела сквозь танцующее пламя свечи на фото. Не поворачиваясь к Сергею.

– Это мои родители, – она вздохнула. – А это то, что помогает мне выживать, – Таня повернулась и поднесла огарок к запястью. Сергей отчётливо увидел цифры на прозрачной коже. Шрамы, поверх иссиня-черные цифры. 7.08.1997. # Он резко почувствовал, как сдавило грудь невидимыми огромными пассатижами. В голове промчались кадры жизненной хроники воспоминаний. Рыдающая мама. Кому-то звонит и орёт в трубку дед. Его обрывочные фразы: «поднять всех», «что значит ни следа», «это невозможно». Дед прижимает мать к себе и гладит по голове как ребёнка. При-

говаривая:

– Региночка, найдется, ласточка моя, вернётся.

А потом один день печальнее другого. Вот и сейчас ком в горле, душат слезы, как и в тот вечер. 7.08.1997. Когда отец впервые не вернулся после работы домой. Не вернулся он и спустя месяц. И годы. Исчез без следа. Взяв себя в руки, Сергей притянул Таню к себе, приобняв за плечи. Она успела поставить свечу на столик, та осветила ее янтарные кошачьи глаза. Девушка сначала уперлась ручками в его пресс, почувствовав силу и защиту, прикоснувшись к его спортивному телу, инстинктивно прижалась. Завернувшись в его объятия как в плед.

– Что за шифр на твоей руке?

– В тот день их не стало. Говорят, теракт. Раз и все.

– Я не верю вообще в совпадения. Писец, знаешь, там дядя Родик ищет гильзы. Он поможет нам. Я не дам тебя в обиду. Веришь? Откуда у тебя этот долбаный пистолет? Скажи, как есть, – Таня подняла голову, взгляды их встретились. Сергей уже знал – эта девочка его судьба.

– Мне кажется для чего -то нас свела судьба, когда я встретила твою маму в трамвае. Почти год ведь прошёл. Я ездила от кольца до кольца. Некуда было идти. Вышла из детдома. Выделили комнату на Первомайке в бараке. Зашла в подъезд и нога провалилась между сгнивших досок. А оттуда крыса. Шмыгнула, отбежала и смотрит на меня. Будто я ни к себе иду домой. А к ней. Людка – свидетель, соседка, я пыталась

жить в той конкуре. Как человек. Но там это невозможно. Невозможно! Есть дома ещё, где туалет на улице. Душ на кухне, за шторкой, но ванной нет. Нет ванной, понимаешь? Резиновый грязный ковёр на кафеле, который, мне кажется, войну пережил. Вот там сосед, бывший зэк, и подловил меня. Мразь, ненавижу, ненавижу, – Таня принялась стучать кулачком по мощной груди друга. Он гладил её непослушные волосы. Молчал. Что тут скажешь? Таню прорвало, она, рыдая и содрогаясь всем телом, рассказала, что решила отомстить. Но насильник пропал. В милиции посмеялись и сказали, типа, знаем вас, детдомовских. Это от кого ещё людей защищать – надо разобраться. А этот урод стукачом был у них, я потом узнала. Не знаю, что случилось. Этот гад пропал после этого. А на днях появился. На улице столкнулись. А он лыбится, узнал. И я решилась. Мент уснул в трамвае, у него смотрю кобура расстёгнута. Я и подрезала. Встречу и рука не дрогнет. Пристрелю.

– ТАНюшка, ты сейчас успокойся, если можешь, и послушай, что скажу. Обещаешь выслушать? – Сергей слегка потрянул девушку за острые плечи, приобнял и подхватил на руки. То ли в порыве чувств, то ли потому, что должен что-то сделать. Успокоить. Защитить. Таня на удивление не сопротивлялась, лишь обвила ручками шею парня, уткнувшись носом в его щеку. Он легко взбежал по лестнице из подвала на первый этаж, очутившись снова в пропахшем кошками и плесенью коридоре.

– У тебя сердце колотится так, словно ты боишься! – Таня шмыгнула носиком, и заглянула в его глаза, сверкающие в пробивающихся лучах заходящего солнца из окон, малахитом.

– Боюсь, – он прерывисто дышал.

– Меня? – Таня приходила в себя.

– За тебя, бедовая ты, где тут поговорить можно нормально? – девушка резко вывернулась из объятий, спрыгнула на пол и побежала.

– Опять бежишь? Тань, хватит, – он жёстко выдохнул и в несколько шагов нагнал бегунью на лестнице, ведущей вверх.

– Там, на третьем этаже, мой наблюдательный пункт, там хорошо, пойдём туда?

– Как скажешь.

#Они влетели в бывший кабинет, на двери которого понуро болталась ещё табличка «Директор Завода Лихая Т.К.».

– Тебе подходит этот кабинет, точняк, – Сергей хмыкнул, расплывшись в улыбке.

– А то, смотри сюда, пришелец, – проказница с разбегу запрыгнула на матрас, прибитый к широченному подоконнику, придерживаясь за открытую оконную раму. Растянулась на лежанке, вытянув ноги.

– Ну как местечко?

– Класс, весь наш посёлок видать, а вон мой дом. Видишь, крыша ржавая. Говорят, если ржавая крыша, типа в подвале вода. Можно не проверять – 100%. Зато самый высокий дом.

– Угу, – Таня задумчиво уставилась поверх обшарпанных крыш домов и шевелюр каштанов. – Рассказывай, пока на-строение есть.

– Короче, дед когда-то рассказывал историю про месть, ты поделилась, а я вспомнил. Девочку одну урод богатый, короче, это... надругался. Ну, ты поняла. И дело замять хотели. Дед бился, связи поднял, до суда довёл. Но матери её сказал адвокат – справедливости не ждать. На суде сказали, что все было по согласию, а нанесение лёгких травм из-за конфликта засчитываем. Условка. И делу конец. Мать на суде достаёт пистолет. И стреляет. Прямо в упор. Сын сидит рядом, хватает её за руку в последний момент. Как уж там произошло точно не скажу, пуля попала в отца этого подонка. Вторая в клетку, отрекошетила и сыну её в голову. Мгновенно. Дед всегда говорил: «Оставь месть богу. Мечь всегда – ответное зло». Хоть дед и мент.

Затаилась пауза. Локоны её на ветру колыхались как волнуется поле хлебное, золотится колосьями. Сергей подошёл ближе и втянул жадно запах её волос. Таня медленно повернула голову, привлекла парня к себе за шею тонкими ручками. Изящные пальцы пробежались по носу, губам, очертили колючий подбородок. Он замер, боясь спугнуть мгновение. Вдруг жар разлился по телу, когда Таня прижалась влаж-

ными губами к его, прикусила слегка нижнюю губу, и вместо ожидаемого страстного поцелуя отстранилась. Взъерошила чёлку цвета мёда волос Сергея и прошептала:

– Спасибо, ты первый парень, кого я привела сюда!

– Я рад, – Сергей расслабился, и, подпрыгнув, сел рядом на подоконнике.

– Эй, молодёжь, спускайтесь!

– Это дядя Родик, пойдём, не успел тебе рассказать главное. Пистолет у него. Он точно все разрулит. Он дедушкин друг.

– Знаешь, я верю, что у твоего деда не может быть хреновых друзей.

– Пошли, не бойся, – они взялись за руки и вместе вышли за ворота старого завода.

Глаза, успевшие привыкнуть к полумраку, резанули солнечные молнии. Лучики пробежали по тополиным верхушкам и устремились к финишу дня – красному горизонту.

– Я вспомнил фильм, может, смотрела? Там парень и девочка единственные спаслись от зомби. Типа, их всех потравили биооружием. Впервые вышли из укрытия, когда солнце садилось, раньше не могли – зомби оживали. Но они не знали, что зомби мутировали...

– О-о, молодёжь, ну наконец-то, – майор отделился от кустов, в куртке цвета хаки он был не замечен парочкой.

– А, это, похоже, один из мутировавших зомби, – пробур-

чала Таня, плотнее прижавшись к руке друга. Сергей хмыкнул, оценив шутку:

– Он самый. Майор Усманов шмыгнул взглядом на маечку в обтяжку на спутнице парня. Сергей тут же взглянул на Таню, съезжившуюся от порыва осеннего ветра или от похотливого обыска глазами. Тут же стащил ветровку и накинул на плечи девушки. Таня благодарно завернулась в куртку и вручила хрупкую ладошку в широкую Сергея.

– О, другое дело, – оценил поступок майор, и подойдя ближе, похлопал Сергея по плечу, краем глаза изучая его подружку. – Ну что, наш мохнатый друг матрешек не нашёл. Но нашёл то место, где, предположительно, они были. А это значит что? – милиционер прищурился хитро.

– Что? – в один голос переспросили молодые люди.

– О, да, вы я гляжу, скантарились, – его пухлые губы растянулись в улыбке, один глаз при этом сузился до щелочки, обозначив под ним едва заметный шрам. Отчего лицо стало ассиметричным и пугающим. – Какие варианты?

– Варианты? А кто такие матрёшки для начала? – уточнила Таня.

– Здравсьте посрамши, стрелять научилась, а строить отходные пути – нет. Не порядок. Ты ж преступный элемент, тебе ли не знать?

– Гильзы? – предположила догадливая девушка.

– Они, родимая, и их нет.

– Кто-то взял? Но зачем?

– Давайте в отдел, там все под протокол оформим.

– Нет, – Таня вырвала руку из ладони Сергея и отступила к воротам.

– Ну, на нет и суда нет, в розыск тебя объявят, фоторобот уже висит, ответственная гражданка срисовала тебя. Один в один ты, хорошо ещё – не на доске почёта среди уркаганов. А в папочке у моего приятеля – следователя. Бывшая сотрудница ФСИН, а бывших не бывает, в трамвае то и видела, как ты оружие сперла.

– Но я стреляла в воздух, напугать, один раз, нет, – Таня вжалась в кирпичную стену, закрывая часть корявой надписи «Россия -... их» на выщербленной кладке. Майор усмехнулся, подметив деталь:

– Точно ведь как сказано! – и старый шрам опять перекосил его лицо на одну сторону. Девушка подозрительно осмотрелась, озадаченная фразой странного мента. Сергей медленно двинулся к ней, его мало волновали символизм уличных граффити и умозаключения дяди Родика.

– Тань, не бойся, он все решит, обещаю, я же все видел. И другие видели.

– Другие? – девушка ткнула пальцем в направлении его лица.

– Вот эти, другие, видели? Ты о том, долбанутом? – голос её надломился, и не звенел уже как колокольчик.

– Молодёжь, короче говоря, или в участок или сами. Время сейчас против вас, как только хозяин игрушки придет в

себя... Он вышел из комы, для справочки, – майор поправил привычным движением кепку. Словно козырёк офицерской фуражки, выровняв по центру ребром ладони и большим пальцем, ориентируясь на несуществующую кокарду. Раздвинул кусты, чертыхаясь, протиснулся через дерзкий шиповник к лазу в бетонной ограде.

– Мам Тань, – со второго этажа испуганно кричал Батон. – Кипиш, да? # Таня оторвалась от стены и выскочила на обозримое пространство:

– Батончик, исчезни, брысь, кому говорю! – было заметно, как она испугалась.

– А это ещё что за малолетний клошар? Так, мадам Баттерфляй, и много у вас тут этих беспризорных асоциальных элементов, как его там, батонов, багетов? Тебе восемнадцать же есть? Обществу все равно, живи как хочется, а ему выбор дай, или совести нет совсем? Приваживаешь! – рассвирепел майор Усманов, затрещали кусты, он, раздирая одежду, рванул назад. – В участок, все! Лясы хватит точить, – заревел милиционер, подтолкнув в сторону тропы к забору Сергея. В три шага, с неожиданной проворностью, настиг Таню, и схватил её в охапку. – Багет сам подтянется.

Майор пропихнул Таню через лаз в бетонном заборе. Пропустил вперёд Сергея, пока девушка отряхивалась, проскользнул с невероятной ловкостью сам. Танча с удивлением оглядела огромный живот Усманова, потом сравнила его га-

бариты с шириной зубастой расщелины.

– А, это? Комок нервов, – милиционер постучал волосатой рукой по животу, подмигнув девушке.

– Да мне по фиг, вопрос, как ты пролез в дырку эту, тымышь что ли? – хихикнула она.

– А, так да, у меня, как и у них подвижно сочлененные позвонки, куда хочешь пролезу. Без мыла, – многозначительно посмотрел на подружку Сергея, от чего глаза его, глубоко сидящие, стали чёрными. Взгляд жёстким. Таню передёрнуло, она вспомнила, как в детстве читала про ацтекских шаманов. Их отличительная особенность – точь-в-точь такие, абсолютно чёрные глаза. Его взгляд парализовал и делал абсолютно безвольной, словно он – древний индеец из Затерянной страны где-то в Мексике.

– Что притихла? Давайте, молодёжь, к машине, – майор поправил привычно кепку и махнул в сторону припаркованного серебристого форда.

Таня залезла не хотя на заднее сиденье, Серёжа хотел было сесть рядом, но Родион кивком головы указал на переднюю дверь. Когда все расселись, Усманов глянул вскользь в зеркало заднего вида, завёл машину и резко стартанул. Взвизгнул ремень генератора, шкрябнули колодки, что -то брякнуло под днищем, но машина поехала прочь от Кирпички.

– Ватага у тебя, смотрю, собрана приличная, – майор сквозанул глазами в зеркало на Таню, потом в боковое.

#Татьяна повернулась и увидела, как парнишка, в растянутой выцветшей кенгурухе и жилетке суконной с чужого плеча пытается догнать автомобиль. Кидая вслед расплюсченные жестяные банки из огромного пакета. Острые коленки сверкали из дырявых джинсов. Батон что-то сипло выкрикивал, Таня знала что. За парнишкой семенили мальчишки, разношерстная орава, повыше и постарше.

– Мама Таня.

Таня высунула голову из машины и выкрикнула:

– Без меня не охотиться, Батон, Кыш, слышите? Я по делу в город, скоро вернусь.

#Ватага как по команде тормознула свое стихийное движение, парнишки медленно побрели в сторону завода. Майор тихо присвистнул, усы его встрепнулись:

– Да у тебя тут целая армия, маленькая комиссарша!

– Я не комиссарша, Джерри, а это армия беспризорников, которым лучше на улице, чем с их, так называемыми, родителями. Многие остались и без них, из-за таких как ты! Вы сажаете невинных в тюрьмы за кражу куска мяса и пакета молока, – рассерженная Таня дернула ручку на себя.

– Сиди птичка, не трепыхайся! Хоть ты ещё и не в клетке, двери на замке. Привычка. Я никого не сажаю, это факт. Выслеживаю, задерживаю. А сажает суд, самый справедливый и гуманный суд в мире. Ты если такая сердобольная, сними квартиру, тебе же есть восемнадцать? Найди работу, оформи приёмную семью. Возьми своих ребяташек под опеку. На-

правь. Покажи как не надо. Я бы помог, в администрации есть знакомые, и в опеке. Но дело в том, что ты сама идёшь не по тому пути, – Усманов строго глянул на притихшего Сергея. – Я не прав?

– Дядь Родик, она хорошая, – Сережа попытался вставить свои пять копеек.

– Хороший человек – не профессия, дружище! Чем она кормится, уточнял? На что живёт?

– В крышу мне набиваетесь?

– О, гляди как, вспомнили хорошие манеры. На Вы заговорили. Я ж говорю – уголовный элемент, но ещё не все потеряно!

#Машина, брэнча внутренностями, подъехала к отделу. Татьяна притихла и обняла себя руками.

– Выходите, перед вами вход в новую жизнь, – Усманов махнул в приветствии заходящим в приземистое зеленое здание, стиснутое с обеих сторон коренастыми дореволюционными домами.

#Усманов пропустил вперёд Таню и Сергея. Девушка осторожно озиралась, но несла себя уверенно. Сергей придержал расхлябанную дверь, Таня проскочила в небольшой холл со стеклянной зарешеченной будкой, где сидел дежурный. К вестибюлю примыкал коридор, обшитый серыми пластиковыми панелями с несколькими тусклыми плафонами под потолком. По коридору навстречу два милиционера ве-

ли лысого паренька в косухе. С фингалом желто- фиолетовым, расплывшимся по скуле и под глазом. За ухом торчала мятая сигарета.

#Лысый поравнялся с Таней и Сергеем. Глаза парней встретились. Лысый не выдал удивления, только отчаянно замотал головой. Сигарета упала. Сергей дернулся поднять её, тут же, споткнувшись, парень в кожанке ткнулся ему в ухо:

– Мы не знакомы, понял? – прошипел он.

– Лар, ты гонишь?

Сержант хватанул за ворот вчерашнего недруга Сергея, вид которого сейчас вызывал сочувствие, со словами:

– Давай, двигай поршнями, сейчас в обезьяннике соберёшься с мыслями. # Сергей недоуменно переглянулся с Таней. Майор мгновенно выхватил взгляд Сергея, стушевавшегося и цепляющегося за Танькино плечо.

– Молодёжь, я как погляжу, дорожки ваши пересекались с этим злодеем?

– С каким? – снова в один голос выдохнула сладкая парочка.

– Хватит Вальку -то валять, двигайте по коридору, – Родион Русланович хлопнул под лопатки Сергея.

– Может, Ваньку? – хихикнула Таня.

– Не умничать, кого хочу, того и валяю, – насупил брови начальник оперов. Усы его с проседью задрожали и расплзлись в улыбке под мясистым носом. Изобразить свире-

пую мину у него не вышло. – Шуруйте, в двадцать третий, по коридору налево, следователь ждёт, я щас подскочу, – по коридору неся рыжий лейтенант с прямой смешной чёлкой у бровей, майор остановил его. – Доставь разбойников к Лебедеву.

– Есть, – лейтенант резко развернулся, пропуская вперёд Сергея и Таню. #

В двадцать третьем кабинете было душно и воняло табаком. Все три стола были завалены папками, бумагами, пустыми лотками из-под доширака. На широком деревянном, с облупившейся краской подоконнике, в литровой банке бултыхались вместо маринованных огурцов хабарики. Вода в банке по цвету напоминала чифирь. Капитан в рубашке с закатанными рукавами дымил в форточку, кашляя через затыжку.

– Товарищ капитан, доставил задержанных, это, хм, от майора Усманова.

– А, понял, свободен, Лепехин, – сказал, будто каркнул, Лебедев. Таня хихикнула. Сергей давился, еле сдерживая приступ смеха. Офицер с широкой спиной и круглой проплешиной на затылке, не поворачиваясь, затянулся последний раз и пульнул окурок в банку. Каркающий утробный голос поинтересовался:

– Смешно? #

Парочка затаилась и дыхание их слилось воедино, как и биение сердца. От страха.

– Короче говоря, портретик твой черно-белый нашего талантливового художника у меня в папочке. Прямая дорога твоя, кучерявая, в лагерь за туманами тайги.

– За чтооо?

– А я популярно обрисую всю картину, – капитан повернулся, и страх улетучился как сигаретный дым в форточку. На них смотрел человек с острыми, женственными чертами лица, добрым взглядом и редкой бесцветной щетиной-пушком, как у подростка. Глаза улыбались, только губы тонкой полоской выдавали жёсткость натуры и обманчивость внешности. Капитан опустил рукава рубашки, прошёл к ближайшему столу, сдвинул ворох бумаг. Отодвинул ящик и достал папку. – Кудрявая, присаживайся. Фамилия, имя, отчество, дата и место рождения?

Сергей подвинул стул к столу и усадил Таню. Девушка, похожая на колибри в цветастой куртке, сжалась в комок, притянув к себе ноги, словно пойманная в клетку вольная птичка.

– Ноги убрала со стула, – милиционер достал лист бумаги и приготовил ручку, постукивая ею о стол.

– Курская Татьяна Анисимовна, 5.12. 1987 года, родилась в Питере, – голос Тани дрожал.

– Место регистрации?

– Маковицы, Первомайская, 5.

– Живёшь по месту регистрации? – ручка зависла в воздухе.

– Да, – нерешительно прошептала девушка.

– Громче, – просипел, закашлявшись, капитан.

– Почти, да, там, рядом, – губки её уже дрожали. Сергей занервничал, вцепился в ладонь любимой. #

В этот момент дверь крякнула и в кабинет ворвался майор.

– С Ларионом Шепелевым раньше были знакомы?

– Не-е-ет, – Таня замотала головой, Сергей опустил глаза в бугристый серый линолеум. #

На акт, заполняемый капитаном, Усманов из полиэтиленового пакетика вытряс две гильзы. Сергей не поднимал головы. Таня тряслась.

– Будем говорить? – майор вышел из себя, голос его звучал грозно.

– Закрываем обоих, в КПЗ амнезия лечится, – кинул взгляд капитан на начальника опер. отдела. Тот едва заметно кивнул головой.

– Серёжа не при чем, я все расскажу, – Таня распрямила плечи.

– Не смей глупая, дядя Родик, ты же обещал, это все я, это я стрелял, меня забирайте! – Сергей заслонил девушку.

– А, так ты ещё и стрелял? В камеру этого, – Лебедев поднял телефонную трубку, и прокаркал, чтоб явился Лепехин. Лейтенант прибыл немедленно:

– Куда? Товарищ майор, у нас все занято! – дернул плечами рыжий.

– Так, к Ларьку его, пусть обменяются приветствиями.

– Я все расскажу, все-все, – Таня сорвалась со стула, он опрокинулся, она вцепилась в ветровку друга.

– Лебедев, выведи Антиквара для разговора, а Розанова к Шепелеву, – отдал распоряжения лейтенанту Усманов, не глядя Сергею в глаза. Парень замешкался и бросил с порога, будто не спрашивал, а сообщал о свершившемся факте:

– Её отпускаете, значит!?

– Пойдём, – Лепехин закрыл дверь в кабинет, было слышно, как бухнула форточка от сквозняка. Выругался капитан.

#

Сергея вели по коридору, где сломано было немало судеб. Покрошили, искромсали до ломоты души и боли в суставах преступивших черту, между тьмой и светом. Из коридора этого было только два пути: за решетку или не попадаться. Свет? Сергей, шёл, понуриив голову, точно стыдясь своих мыслей. Верил ли он в правосудие? Нет. После того, как пропал отец, он не верил ментам, властям. Верил матери. И дяде Родику. Потому что знал его с детства. Но никогда не забывал, что не все зависит от друга семьи. Он в «системе», жернова её беспощадны. А майор Усманов даже не мельник, так... фасует и таскает мешки с мукой. Сергей только у железных прутьев хмурой камеры, свежеекрашенных чёрной блестящей краской, поймал себя на мысли, что никогда в жизни ни за что не боролся. Плыл по накатанной.

Пока был жив отец. Блин. Но он же не умер. Даже могилы нет... Фигня всякая лезет в голову. # Здесь, в ментовке, все мысли сбились в грозовую тучу, лишь бы не дождь. Молодой человек удивился, вспомнив вдруг, будто было вчера: папа орет на кухне. Словно буйно помешанный, с пеной у рта, что нет виноватых в тюрьме. Спорил с другом до хрипоты. Виновата система! А Родион, только что закончивший Миллицейскую Академию, журил отца и вкрадчиво так, спокойным голосом диктора на радио: «А как же педофилы, маньяки?». Отец, до мозга костей романтик, со своей правдой. Журналист с принципами. Его нет больше десяти лет, а сейчас, в этом треклятом отделении, Сергей поймал себя на мысли, что рассуждает как он. Или гены? Папа твердил изо дня в день:

– Запомни, сын, дети все рождаются добрыми, плохими их делает окружение, общество, система. И Сергей запомнил. #

Лейтенант прицельно, с уверенностью стоматолога отработанным движением, загнал ключ в замок, пошурудил там, будто чистил канал. Лязгнул затвор. На нарах сидели двое. Фигуры встрепенулись, неожиданно в нос ударил запах хвойного одеколona. Маленький, щуплый человек в бежевом кожаном пиджаке подскочил к решетке и расплылся в улыбке:

– За мной, не иначе? – в глазах его сквозь заискивающую покорность читался металл характера, а в движениях угады-

валась лисья проворность.

– Антиквар, выходи, лицом к стене слева, – Лепехин выпустил задержанного, запуская в клетку Сергея.

– А тебя за что? – подорвался со скамьи Ларион.

– За все хорошее, – усмехнулся Серёжа и плюхнулся рядом с лысым на шконку, вытянув ноги.

– Вечер в хату тогда, а подружайка – то где твоя? Тоже приняли?

– Не должны.

– Да ты тут решала? – лысый подскочил на нарах и шлепнул себя ладонями по широким спортивкам. – Вот фортануло, я в камере с авторитетом, – Ларик зашелся со смеху. И неожиданно хрипло затянул:

– Вдали осталась молодость, путяга, КПЗ, и поседели волосы на буйной голове....

– У тебя их и не было, хватит! – Сергей прислонился к стене и закрыл глаза.

Лейтенант тем временем закрыл камеру и повёл Антиквара к майору. Усманов ждал у двадцать третьего кабинета:

– Моня, как так, за что тебя? Непорядок, – костлявое плечо Антиквара хрустнуло под медвежьей хваткой будто чипсина. Моня съезжился. – Мазь не пошла, с «фотографией» подставили. Я на исповеди все как есть доложил.

– Решим, с наводками заканчивай, и пошупай там среди своих, чем малышня промышляет на районе? И уши развесь, там в камере посиди, а – ля спящий, о чем молодёжь шеп-

чется. И домой на такси отправлю.

– Все сделаю, Начальник, в лучшем виде! – Антиквар расшаркался перед майором, заложив руки за спину, смиренно поплелся в камеру. В сопровождении лейтенанта. #

Усманов вернулся в кабинет. Капитан размашистым почерком строчил протокол допроса. Таня рассказала все.

– А Макаров где? – Лебедев поднял острый нос, на кончик которого целились близко посаженные глаза. Майор вытащил пистолет из кармана и шепнул на ухо:

– Закрывай дело. У меня для тебя будет по всяку инфа.

Решетчатый железный занавес распахнулся, в камеру ворвался резкий запах хвои и лежалых опилок. Аромат захватил каморку с призрачным желтым светом из плафона над входом. Парни замолчали. Антиквар с видом важного артефакта пронес себя до соседних нар с матрасом. Аккуратно расправил складки сложенного казенного пледа, похожего на мешок из-под картошки. Снял пиджак цвета прибрежного песка Балтийского моря и бережно повесил на самопальный проволочный крючок на стене. И улегся головой на колючий плед, демонстрируя спиной полное отсутствие интереса к сокамерникам, Антиквар через пару минут захрапел. #

Молодые люди молчали, будто замороженные плавными и уверенными в себе движениями соседа. И только посапывание равномерное их вернуло в реальность.

– Интересный чувак, – с опаской шепнул Сергей.

– Ты, это, не трогай проблему, пока проблема не трогает

тебя, – вполголоса прошипел Ларик.

– А тебя за что?

– 228 шьют, сам debil, работу нашёл непыльную. Посылку забираешь в условленном месте, в камере хранения в маркете оставляешь. Нормально платили. Ключ пацанве на великах. Они конверт. Такая схема, нормальная. Короче, пасли давно, оказалось. Я им то и не нужен, мне семнадцать. Да ни погонял, ни телефонов, ничего не знаю, все записочки. Когда и какой парень подъедет не знаю. Я после наших разборок ключ где-то просрал. Пошёл искать. А нашёл... – Антиквар заворочался, повернулся лицом и захрапел будто старая дрель.

– Че нашёл?

– Гильзы ваши, блин, думал, выброшу, вы ж по-пацански поступили. Пошёл к речке. Семёныч навстречу. Говорит, же-на опять домой не пускает. Такая мерзкая баба, лупит его. Куда лупить, там того Семеныча, ты бы видел, от щелобана улетит. А она в зарплату любит, через три дня – пошёл на хрен. Ну, он выпить не дурак, конечно. Но не на улице же жить, хата ведь его. А меня она боится. Я взял двоих своих, ну и пошли.

– Че, драться с ней?

– Ну, ты лох, конечно, она ж эта, злая мачеха, кореша моего сдала. Он чалится теперь. Лахудра боится его, ну и нас. И мы там зависаем от души. Шалман делаем. Ну ментов кто-то вызвал. А у меня маслята в кармане. И посылочка.

– Писец, ты влип, и что теперь?

– А на чёрной скамье, на скамье подсудимых... – затянул было хрипло Лар, будто из нутра звуки доставал, сосед закашлял, Лар замолк. Усмехнулся и шепнул на ухо:

– Радуйся, у тебя новый друг в порядке.

– Какой друг? – так же, густым шёпотом, уточнил Сергей.

– Я тебя не сдал. И не сдам, выход у меня есть, в армию пойду. Всяк, получше малолетки. Мне через месяц восемнадцать. Одну кирзачи и пойду в стройбат. Кореш на зоне порешает.

– Че у тебя все друзья только с зоны?

– А у бродяги где должны быть друзья?

– Ну быть или не быть бродягой решать тебе.

– И че, много порешал? Ты ведь тоже здесь сидишь. Так что не умничай, пока не вышел.

– Согласен, – Сергей задумался и снова вспомнил отца. – Я считаю, что армия твой выход, я с майором поговорю, у него есть выходы, и вечный там недобор. Это точно знаю. Я б тоже пошёл. Но мать жалко, рыдает: через мой труп.

– Дурак ты, с такой подружкой как твоя Танча, ты отсюда вылезать не будешь, я жизнь повидал, возле бабских юбок не трус. Заворочался Антиквар, потянулся. Кряхтя, сел как йог на шконке. Зевнул, обнажив на резце золотую коронку и загундосил:

– Командир, ужин когда подадут? #

Парни заржали.

Конец первой части. Спасибо, что вы со мной!